

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В РОССИИ.

Будько Елена Владимировна

аспирантка кафедры философии Тверского Государственного Технического Университета

INSTITUTION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) IN RUSSIA.

Budko Elena Vladimirovna, Tver State Technical University, postgraduate of the chair of philosophy

Аннотация

Одна из важнейших особенностей социальной философии связана с тем, что она изучает явления и процессы, которые отражают действия мыслящих существ – людей.

Ситуации, когда результаты действий не оправдывают ожидания людей, не новы. Кризисные изменения в России влияют на уровень и качество жизни населения, и не всегда оказывают позитивное влияние на социальное благополучие. Реальное положение граждан в условиях кризиса заставляет задуматься о том, что социальные риски для большей части населения растут.

Статья выявляет проблемы в действующем законодательстве о банкротстве и рассматривает пути решения, направленными на урегулирование отношений, возникающих в сфере несостоятельности (банкротства).

Описывается необходимость создания в законодательстве целостной научной концепции банкротства для эффективного функционирования института несостоятельности (банкротства) в России.

Ключевые слова: кризис, институт несостоятельности, банкротство, концепция, риск, социальная философия.

Abstract

One of the major features of social philosophy is connected by that it studies the phenomena and processes which reflect actions of conceiving essences – people.

Situations when results of actions do not justify expectation of people, are not new. Crisis changes in Russia influence a level and quality of a life of the population, and not always render positive influence on social well-being. Real position of citizens in conditions of crisis forces to reflect that social risks for the most part of the population grow.

The article identifies problems in the current insolvency legislation and studies solutions that would aid regulation of insolvency disputes.

Need of the creation is described in legislation of the holistic scientific concept bankruptcy for efficient operating the institution of insolvency (bankruptcy) in Russia.

Keywords: crisis, **institution of insolvency**, bankruptcy, the concept, risk, social philosophy.

Одна из важнейших особенностей социальной философии связана с тем, что она изучает явления и процессы, которые отражают действия мыслящих существ – людей.

Ситуации, когда результаты действий не оправдывают ожидания людей, не новы. Кризисные изменения в России влияют на уровень и качество жизни населения, и не всегда оказывают позитивное влияние на социальное благополучие. Реальное положение граждан в условиях кризиса заставляет задуматься о том, что социальные риски для большей части населения растут.

Последствия экономического кризиса обусловили наступление периода, который ряд экономистов называет «эпохой глобальной неопределенности и нестабильности». Неотъемлемой чертой деятельности любого предприятия в условиях рыночной экономики является риск, вероятность банкротства предприятия варьируется в зависимости от эффективности производственной и финансово-хозяйственной деятельности.

В настоящее время отмечается научный интерес ученых к проблемам несостоятельности (банкротства), который выражается в монографических исследованиях и научных статьях В.В. Витрянского, М.В. Телюкиной, В.Ф. Попондопуло, С.А. Карелиной, Н.А. Колинченко, Е.Ю. Пустоваловой, О.М. Свириденко.

Для дальнейшего поступательного развития института несостоятельности (банкротства) в нашей стране необходимо создание в законодательстве целостной научной концепции банкротства.

Председателем Арбитражного суда города Москвы Свириденко О.М. сформулированы основные предложения изменения законодательства о несостоятельности (банкротстве): необходимо законодательно определить принцип реальной платежеспособности должника, обеспечивающего функционирование предприятия в интересах общества (не изменяя критерия неплатежеспособности, дополнить существующий перечень документов, необходимых для возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве), актом судебного пристава-исполнителя о невозможности взыскания долга); наделить должника правом на обращение в суд с заявлением о введении процедуры финансового оздоровления с одновременной процессуальной обязанностью представления отчета о своем финансовом состоянии, обоснованного в обязательном порядке заключением независимого аудита с приложением документов, подтверждающих все возможные источники погашения задолженности; принять законопроект о банкротстве физических лиц, который является логичным и необходимым шагом в развитии института несо-

стоятельности (банкротства), что позволит усовершенствовать порядок осуществления реабилитационных процедур, применяемых в деле о несостоятельности (банкротстве), повысит их привлекательность для всех заинтересованных лиц, позволит увеличить количество случаев восстановления платежеспособности должников в ходе дела о несостоятельности (банкротстве).

Кроме того, представляется обоснованным и направленным, с одной стороны, на реальное соблюдение прав и учет интересов кредиторов и должников, а с другой - на предотвращение случаев так называемого банкротного рейдерства (целью которого в большинстве случаев является намеренное дробление предприятия и его последующая продажа по частям) введение в рамках конкурсного производства процедуры учета мнения должника, касающейся проведения торгов (конкурса) по продаже имущества предприятия и определения способа такой продажи. Данная процедура позволит должнику в ходе заседания изложить суду свое мнение о целесообразности распродажи имущества предприятия по частям или целиком, а суду с учетом мнения должника - вынести законное и объективное решение.

Вместе с тем, реальное практическое внедрение данного института может происходить лишь после того, как экономика страны преодолает последствия мирового финансового кризиса и вновь вернется в состояние стабильного поступательного развития. Любая поспешная попытка реализации данного института может привести к непредсказуемым социальным последствиям. Ведь на сегодняшний день невозможно достоверно определить количество граждан, нуждающихся в обращении к данной процедуре. Кроме того, отсутствует необходимая инфраструктура. И, наконец, отсутствуют культура и понимание механизма функционирования реабилитационных процедур со стороны самих должников. Все перечисленные факторы в совокупности способны вместо реального положительного эффекта привести к параличу арбитражной системы в связи с массовыми исками граждан, а также к росту социальной напряженности ввиду неверного понимания сути реабилитационных процедур со стороны граждан.

Предлагается создать специализированные банкротные суды с усилением полномочий суда в деле о несостоятельности (банкротстве) и приданием ему функций не только статиста и наблюдателя, но и реального организатора процесса, осуществляющего публично-правовой контроль.

В этом случае, например, проведение торгов (конкурсов) по продаже имущества предприятия-должника представляется целесообразным перенести непосредственно в специализированный банкротный суд, что позволит последнему осуществлять контроль за законным и обоснованным проведением торгов по продаже бизнеса должника (в настоящее время проведение таких торгов находится вне компетенции суда). Это, в свою очередь, существенно снизит число поступающих исковых заявлений об обжаловании указанных торгов (конкурсов) и станет препятствием к использованию схем по затягиванию процессов по рассмотрению дел о несостоятельности (банкротстве) [2, с. 39 - 46].

Не вызывает сомнений тот факт, что основной целью института банкротства является попытка минимизировать потери экономики в целом: либо путем вывода «терпящего бедствие» предприятия из кризиса, либо максимальным удовлетворением требований.

Сегодня единственной возможностью взыскать с неплатежеспособного должника - физического лица является исполнительное производство, суть которого заключается в обращении взыскания на имущество гражданина судебными приставами-исполнителями по требованию кредитора, обратившегося в суд. В сложившейся ситуации некоторые кредиторы, в том числе отдельные кредитные учреждения, зачастую прибегают к использованию полукриминальных способов взыскания долгов. При этом далеко не каждый кредитор готов пойти на то, чтобы помочь гражданину-должнику с отсрочкой или реструктуризацией выплат по долгу. Выход видится в правовой регламентации осуществления процедуры банкротства физических лиц [3, с. 28].

Система взыскания налоговой задолженности с физических лиц в Российской Федерации находится в русле мировых тенденций и является достаточно либеральной по отношению к должникам. Так, если гражданин не заплатил налоги в бюджет, налоговый орган вначале направит ему требование об уплате налога и только после неисполнения данного требования может обратиться в суд с заявлением о принудительном взыскании налоговой задолженности.

Таким образом, налоговая задолженность с физических лиц может взыскиваться только по судебному приказу (исполнительному листу). Взыскание производит служба судебных приставов в рамках исполнительного производства [3, с. 29].

Как свидетельствует сложившаяся практика последних лет возрастает объем работы налоговых органов по подаче исковых заявлений о взыскании задолженности за счет имущества физических лиц, что приводит к увеличению потока исполнительных документов по данной категории должников. Но судебный пристав продолжает занимать пассивную позицию, ожидая от должника добровольной оплаты.

Эффективность взыскания задолженности в рамках исполнительного производства в отношении физических лиц по Тверской области составляет 43,4%, и сложился выше, чем по стране (40,7%) и по Центральному Федеральному Округу (41,6 %).

Действенной мерой, позволяющей в максимально короткие сроки сокращать количество исполнительных производств, дисциплинируя граждан к добровольному исполнению обязанности по уплате налога, является ограничение на выезд должника из Российской Федерации, применяемое в соответствии со статьей 67 Закона от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве», осуществляемое судебными приставами по заявлению налогового органа одновременно с возбуждением исполнительного производства.

Недостаточно эффективное применение комплекса мер принудительного взыскания приводит к необходимости инициирования процедур банкротства. Процедура банкротства не является достаточно действенной мерой взыскания задолженности (в бюджетную систему РФ в

2013 году поступило 4,3 процента от объема реестровой задолженности). Позиция ФНС России направлена на недопущение банкротства организаций, способных рассчитаться по долгам и восстановить платежеспособность. Поэтому совместные действия налоговых органов и службы судебных приставов должны быть направлены на достижение максимальной эффективности на стадии применения мер принудительного взыскания задолженности, что в конечном итоге обеспечит пополнение государственной казны.

В то же время и гражданское законодательство, и законодательство о несостоятельности (банкротстве) предусматривают возможность признания гражданина банкротом в судебном порядке.

В частности, гражданин считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам или исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства или обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, и если сумма его обязательств превышает стоимость принадлежащего ему имущества [1, п. 1 ст. 3]. При этом требования к должнику-гражданину должны в совокупности составлять не менее 10 тысяч рублей.

Однако в настоящее время механизм признания физического лица банкротом отсутствует. Вместе с тем индивидуальный предприниматель может быть признан арбитражным судом несостоятельным.

Правом требовать признания индивидуального предпринимателя банкротом обладают только кредиторы, чьи требования связаны с обязательствами при осуществлении должником предпринимательской деятельности [1, п. 1 ст. 215].

Перспективным направлением в рамках процедур банкротства является наделение судебного пристава-исполнителя функциями арбитражного управляющего в делах о банкротстве индивидуальных предпринимателей.

Реализация имущества должника – индивидуального предпринимателя через службу судебных приставов, без утверждения конкурсного управляющего, является для уполномоченного органа одним из действенных инструментов минимизации расходов по делу о банкротстве, получении возможности наиболее полного удовлетворения своих требований к должнику.

У большинства должников – индивидуальных предпринимателей отсутствует имущество, нуждающееся в постоянном управлении им (предприятие, действующее производство), в связи с чем у уполномоченного органа есть правовые основания ходатайствовать перед арбитражным судом о неутверждении конкурсного управляющего и поручении распоряжения его имуществом судебному приставу-исполнителю.

Правоприменительная практика по ряду процедур банкротства индивидуальных предпринимателей в Тверской области существует, но немотивированное бездействие службы судебных приставов не привело к удовлетворению требований уполномоченного органа к должнику в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) индивидуальных предпринимателей.

Методологически существует две возможности урегулирования задолженности физического лица в отношении которого возбуждено производство по делу о банкротстве:

- 1) введение реабилитационной процедуры, предусматривающей реструктуризацию долгов в соответствии с планом, утверждаемым судом, что позволит гражданину избежать последствий признания его банкротом;
- 2) погашение долгов за счет имущества и части доходов должника [3, с. 29].

По сообщению 17.04.2014 Пресс-центра Совета Федерации Глава верхней палаты Валентина Матвиенко на заседании Межрегионального банковского совета при Совете Федерации на тему «Правовая защита банков при банкротстве заемщиков. Банкротство физических лиц» заявила, что закон о банкротстве физических лиц должен предлагать цивилизованную процедуру урегулирования финансовых конфликтов, побуждать потенциального заемщика трезво оценивать свои возможности и ответственно подходить к вопросам кредитования.

В настоящее время в Государственной Думе находится на рассмотрении проект закона о банкротстве физических лиц.

Среди норм законопроекта, вызывающих дебаты среди специалистов, Валентина Матвиенко обозначила нижний порог задолженности, при достижении которого можно применять процедуру банкротства. Она пояснила, что изначально предлагалась сумма 50 тысяч рублей, но, учитывая, что сейчас средний размер кредита составляет порядка 90 тысяч рублей, очевидно, что порог задолженности надо существенно повышать.

Спикер Совета Федерации убеждена, что в законе необходимо четко прописать процедуру реструктуризации долгов, права и обязанности кредиторов, содержание и сроки выполнения плана реструктуризации, порядок его утверждения. А также отметила, что реструктуризация долга должна сопровождаться и изменением потребительского поведения банкрота, в том числе отказом от неоправданных трат, повышением его квалификации или профессиональной переподготовкой.

Председатель Совета Федерации выступила за сохранение в обязательном порядке жилья для гражданина, оказавшегося под процедурой банкротства, так как это норма Конституции, но в то же время в нормах закона должна найти отражение возможность изымать чрезмерные излишки жилой площади в пользу кредиторов.

В целом Валентина Матвиенко подчеркнула, что банкротство – это крайняя мера, а главная цель законодателей – создание правовых условий для финансового оздоровления заемщиков. [4]

Необходимо отметить, что процедура банкротства физического лица не должна использоваться для уклонения от уплаты кредиторской задолженности, поскольку это, учитывая высокий уровень потребительского кредитования, может приводить к кризисным явлениям в экономике в целом.

У нашей страны нет опыта банкротства граждан, и поэтому вполне обоснованно, если первоначально данный институт будет иметь высокую социальную направленность и применяться для реабилитации должников [3, с. 30].

Основными задачами развития и совершенствования законодательства о банкротстве физических и юридических лиц являются снижение социальной напряженности в обществе, восстановление платежеспособности должника при эффективном применении комплекса мер принудительного взыскания, принятие мер по финансовому оздоровлению при одновременном усилении защиты кредитора, а также сохранение бизнеса и собственности должника.

Для эффективного функционирования института несостоятельности (банкротства) в нашей стране необходимо создание в законодательстве целостной научной концепции банкротства, регулируемой нормами материального и процессуального права, направленной на соблюдение баланса интересов должника и кредиторов, обеспечивающих стабильность экономики государства.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.10.2012 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Свириденко О.М. Институт несостоятельности (банкротства) в системе гражданского права // Журнал российского права. – М.: Издательство «Норма», 2011. – № 1. – 39 - 46 с.
3. Солдатенков В.Ю. Банкротство физических лиц: реалии ближайшего будущего // Налоговая политика и практика. – М.: Издательство экономико-правовой литературы, 2012. – № 8. – 28 - 31 с.
4. Реструктуризация долгов физических лиц должна быть законодательно закреплена // Пресс-Центр Совета Федерации — 2014. URL: <http://nalogkodeks.ru/restrukturizaciya-dolgov-fizlich-dolzha-byt-zakonodatelno-zakreplena/> (дата обращения 28.07.2014)

НУЖНА ЛИ ФИЛОСОФИИ НАУКА

Черняк Наталья Алексеевна

доктор философских наук доцент кафедры философии
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Chernyak Natalya

doctor of philosophical Sciences associate Professor of the Department of philosophy Omsk state University. F.M. Dostoevsky

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема взаимоотношения философии и науки, общее и различное в способах организации знания и исследовательской стратегии, выявляются эпистемологические основания творческого союза.

ABSTRACT

The article considers the problem of interaction of philosophy and science, the common and different in the ways of organizing knowledge and research strategies, identifies the epistemological bases of the creative Union.

Ключевые слова: философия, наука, рациональность, методологические, эпистемические принципы.

Key words: philosophy, science, rationality, methodological, epistemic principles.

Следует признать, что эта в некоторой степени провокационная форма вопроса имеет целью расставить несколько в другом порядке акценты в известной, и уже отчасти набившей оскомину, проблеме – нужна ли философия науке. В определенной мере указанная проблема остается по-прежнему обсуждаемой, и прежде всего, в среде самих философов. Что же касается представителей теоретического и экспериментального естествознания, то большинство из них придерживается общераспространенной точки зрения. А именно, не оспаривая ценности философии в той или иной сфере познания, ученые оспаривают ее права на эвристическую значимость для конкретно-научного знания. Например, американский физик С. Вайнберг пишет: «не следует ожидать, что философия науки может дать в руки современных ученых какое-то полезное руководство на тему о том, как надо работать или что желательно было бы обнаружить» [1, с. 132].

А.-Т. Тыменецка отмечает, что сегодня в общем и целом среди ученой общественности царит согласие в отношении того, что философия может быть ценной в определенной сфере познания, а именно, в прояснении понятий, аргументов и удовлетворении любопытства разума, однако, считается, что универсальные принципы, которые

она генерирует, не приносят никаких решений для великих вопросов прошлого и настоящего, поскольку сами эти вопросы сегодня представляются устаревшими [2, с. 146].

Аналогичных скептических заявлений можно привести достаточное количество и нужно заметить, что для этого скепсиса имеются определенные основания. Разочарование в философии как носительнице универсального знания, знания о конечных причинах и первоначалах сущего, могущих служить методологическими и эпистемическими принципами понимания реальности, определяющими научно-исследовательскую деятельность в конкретных областях, в общем-то, и вызывает негативистское отношение ученых-естествоиспытателей к философии.

Более того, в определенной степени наука сейчас сама претендует на представление ответов на предельные вопросы, носящих мировоззренческий характер, а роль, которую она отводит философии, заключается в прояснении понятий для науки, а также в обеспечении конкретных прозрений и концепций для практического разрешения стоящих перед миром проблем. [2, с. 147].

Но нас сейчас интересует другой вопрос – в чем заключается необходимость науки для философии или, по-другому, насколько развитие философии зависит от степени значимости и глубины научных открытий и так ли

уж тесно и непосредственно связаны философские достижения с открытиями в сфере высокоточного и методически организованного научного знания?

Как известно, длительное время философия стремилась строить себя по образцу наук и даже пыталась претендовать на особый статус *philosophia prima*. Более того, основоположник феноменологии Э. Гуссерль в начале XX века поставил задачу превращения философии в строгую науку. Правда, при этом Гуссерль считал необходимым различать научность философии и научность собственно наук. С его точки зрения, философия должна следовать не нормам точных наук, а нормам собственной автономности и рациональности, логически предшествующим всякому позитивному знанию. Такими требованиями, организующими философскую мысль, согласно Гуссерлю, являлись беспредпосылочность, способом достижения которой объявлялось радикальное эпохе, чистота и самоосведомленность методических процедур, оставлявших за скобками всякие непроясненные и некритически усвоенные предпосылки. И нужно сказать, что теоретику феноменологии удалось добиться выработки такой строгости этих норм, которая по формальным параметрам не уступала многим аксиоматически безупречным теориям.

Однако, как известно, грандиозный замысел Гуссерля – дать философии прочную почву научности и тем самым обеспечить ей должное место среди других наук – остался в определенной мере лишь замыслом. В «Кризисе европейских наук...» он пишет об опаснейшей из болезней, поразивших Европу, – усталости. Кризис европейской духовной жизни, в том числе и науки, ставший очевидным накануне второй мировой войны, выразился в том, что наука оторвалась от жизненного мира; она исключила из сферы своего осмысления те вопросы, которые являются насущными для человека – вопросы о смысле или бессмысленности существования. А что касается философии, то она лишилась самого главного – духа радикализма философской самоответственности, и вместо того, чтобы притязать на универсальное знание, стала довольствоваться ролью логико-эпистемологического обслуживания позитивных наук. Именно поэтому Гуссерль времен «Кризиса...» был вынужден с горечью констатировать: «Философия как наука, как серьезная, аподиктически строгая наука – отоснившийся сон». [3, с. 178].

Общеизвестно, что философию роднит с наукой общая установка на рациональное обоснование знания, на доказательность формулируемых ими утверждений, систематический характер организации знания, внутренняя согласованность, т.е. непротиворечивость, интересубъективность, прогностичность и др. На этой основе философия и наука теснейшим образом взаимодействуют. Опираясь на достижения науки, философия принимает участие в разработке научной картины мира, стиля мышления, творчески обобщает наиболее существенные достижения науки и синтезирует с ценностными аспектами, с эстетическим, нравственным отношением к миру.

И все же, как указывает М. Хайдеггер, "измерение ценности философии идеей науки есть уже фатальнейшее принижение ее подлиннейшего существа" [4, с. 328].

Нужно признать, что современное математическое естествознание, выстроенное в соответствии с методически и логически обоснованными идеал-рациональными

схемами и принципами, предполагает и соответствующую этой методологии специализированную предметную область, оформленную по внутренним законам систематизации научного знания. Что касается философии, то нужно констатировать, что она не попадает в это предметное поле. У науки и философии разные предметы и разные задачи [5, 31]. Поэтому современное естествознание не может быть взято в качестве образца и идеала как выработки и оформления теоретико-методологической базы философии, так и стратегии исследования, хотя нужно признать, что следование нормам рациональности и систематичности, методический характер организации естественнонаучного мышления составляет его наиболее сильную сторону.

Пожалуй, следует согласиться с той мыслью, что философия и наука имеют разные судьбы, разные цели и всегда следовали отдельными путями. Но иногда эти пути пересекались. При этом не вызывает сомнения тот факт, что параллельное развитие философии и науки стимулирует и взаимно обогащает друг друга. Блестящие результаты такого взаимообогащения продемонстрированы в замечательной работе П. Гайдено «История греческой философии в ее связи с наукой» М., Наука, 1980.

Известно также, что наука Нового времени, пытавшаяся строить позитивное знание, воспользовалась философским эмпиризмом как методологическим основанием, показавшим, впрочем, вскоре свою ограниченность. Трудности эмпиризма были отмечены еще Д. Юмом, а позднее в несколько иной форме К. Поппером, который подчеркнул, что закон природы с логической точки зрения есть универсальное утверждение. А универсальное утверждение невозможно проверить перечислением всех его случаев, раз их число бесконечно. Тем самым получается, что результаты и современной высокоточной, методически гарантированной науки все-таки незавершенны, фрагментарны и нуждаются в мировоззренческой и философской интерпретации. Сама наука такую интерпретацию дать не в состоянии.

Современные физики также вынуждены продуцировать опыт взаимоотношения философии и науки и обращаться к философским вопросам, носящим отнюдь не исключительно мировоззренческий характер. Отмечая значимость философии для науки, немецкий физик К. Вайцзеккер полагает, что философия создает априорный фундамент частных наук [4]. Она формулирует универсальные принципы, которые могут быть положены в основу познания, поскольку лишь они описывают условия возможности опыта и позволяют представить мир как единое целое. Внимание Вайцзеккера привлекает диалог Платона «Парменид», в котором выявляются условия возможности самой рациональности и сферы ее применимости. Платон применяет здесь особый метод, которого не было ни у кого из его предшественников, а именно: он принимает определенное допущение, или гипотезу, и затем прослеживает, какие утверждения следуют из этой гипотезы. Этот метод получил впоследствии название гипотетико-дедуктивного, и значение его для развития науки безусловно. Тем самым получается, что гипотетико-дедуктивная методология – это продукт философского, а отнюдь не частно-научного мышления.

И все-таки, что может взять на вооружение философия у науки, какой опыт, который был бы в равной мере ценным и для науки и для философии?

Одной из задач современной науки является достижение нового понимания единства природы, что возможно лишь на основе синтеза философии и частных наук. Решение этой задачи предполагает радикальное переосмысления сложившихся исследовательских установок и концептуальных схем, парадигмальных объяснений, служащих своего рода матрицами исследования в теоретическом и экспериментальном естествознании. На языке философии эта задача может быть обозначена как выработка новой «онтологии» ума. Как замечает Тыменецка А.-Т., именно настоящее положение вещей в науке и философии сегодня призывают к новой критике разума, критике, более полной, чем та, которую осуществили Декарт, Кант, Гуссерль. Способна ли современная мысль дать такую критику? Будет ли она успешной, а главное, услышанной теми, к кому она обращена? Насколько чувствительна сама наука к такой критике?

Эти и другие вопросы ставит перед собой и наука и философия. К пониманию необходимости глубочайшей трансформации теоретико-методологических установок с

целью дальнейшего развития и наука и философия приходят разными путями, но не вызывает сомнения тот факт, что выработка нового понимания единства природы возможно лишь на основе творческого диалога философии и частных наук.

Список литературы:

1. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории. Екатеринбург, 2004. – 256 с.
2. Тыменецка А.-Т. Феноменология отвечает на вызов прагматической проверки: мера // Вопросы философии. – 2005. – № 11.
3. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. Ереван. Изд-во АН Арм. ССР, 1987. – 199 с.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие. М.: Республика, 1993. – 447 с.
5. Черняк Н.А. О современности и несвоевременности философии. // Высшая школа. – 2009. – № 7. – С. 28 – 33.
6. Вайцеккер К. Физика и философия // Вопросы философии. — 1993. — №1. — С. 115—125. — [электронный ресурс] — Режим доступа <http://philosophy.ru/library/vopros/10.html>.

ДИАЛОГ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КУЛЬТУР: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВА

Чистякова Светлана Сергеевна

кандидат философских наук, доцент Белгородского

Государственного национального исследовательского Университета

DIALOGUE OR OPPOSITION OF CULTURES: STATE AND PROSPECT

Chistyakova Svetlana, PhD of philosophical sciences, associate professor of Belgorod National Research University

АННОТАЦИЯ

Глобализация культуры стала одной из самых актуальных проблем современности. В современном мире брошен вызов центральному положению национальных культур, национальных идентичностей и их институтов.

ANNOTATION

Globalization of culture became one of the most actual problems of the present life. In the modern world the challenge is thrown down to the central provision of national cultures, national identities and their institutes.

Ключевые слова: глобализация; глобализация культуры, национально-культурная идентичность.

Keywords: globalization; culture globalization, national and cultural identity.

Сегодня на рубеже веков обозначился поворот к старым культурно-религиозным ценностям. Многие, как западные, так и отечественные, исследователи в обнажении культурно-традиционных отличий целых регионов, видят реальную угрозу столкновения идентичностей, «столкновения цивилизаций». В этой связи А.И. Уткин считает, что настало время осмыслить первые результаты этого «отлива истории», который обнажил «не пестроту мира (что было очевидно всегда), а фундаментальную противоположность нескольких основных цивилизационных парадигм. Семь таких парадигм – западная, латиноамериканская, восточноевропейская, исламская, индуистская, китайская и японская – как бы забывают о «предписанной» им историко-экономическими законами прошлого интеграции мирового хозяйства и культуры, упорно сохраняя цивилизационную дистанцию и образо-

вывая почти непроходимые рубежи между столь сблизившимися благодаря телефону и самолету пространствами. На этих – то рубежах и вспыхивают основные конфликты современного мира» [2].

Действительно, в истории можно найти массу примеров, когда отстаивание национально-культурной идентичности приводило к невиданному насилию. В современном мире обращенные к новой идентификации продолжительные этнокультурные конфликты очень трудно поддаются региональному и международному воздействию. И, может быть, в будущем нас ждет сценарий, на который указал С. Хантингтон, который считает, что главным источником конфликтов в новом мире будет не политика, не экономика, не идеология, разделительной линией станет культура.

«Нации-государства останутся наиболее мощными действующими лицами в мировых делах, но основные

конфликты в мировой политике будут происходить между нациями и группами наций, представляющих различные цивилизации. Столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике. Культурные разделительные линии цивилизаций станут линиями фронтов будущего» [3].

Но не все исследователи видят будущее человечества в таких темных тонах. Например, японский профессор экономики Э. Сакакибара успокаивает общественность и говорит, что «цивилизации действительно поднимаются вверх, а потом начинают терять влияние. Они часто сталкиваются друг с другом; но, что более важно, они взаимодействуют и сосуществуют между собой на протяжении почти всей истории» [2].

Э. Смит говорит, что нельзя отрицать и тот факт, что культуры частично смешиваются между собой. Он указывает на объединяющую роль английского языка, на появление космополитических средств массовой информации, все это может привести к взаимообогащению этих культур и их сближению. На сегодняшний день наметились пути формирования целых областей, где не будет доминирующего цивилизационного кода, и смешение национальностей, языков, обычаев и традиций выйдет на более высокий уровень [1].

Таким образом, глобализация культуры выводит на повестку дня вопрос: возможно ли создание глобальной идентичности? Ответ на него мы находим в работах Р. Робертсона. Он считает недопустимым создание такой глобальной культуры, элементы которой были бы приемлемы для всех обитателей нашей планеты. Он указывает, что «коллективная идентичность мирового сообщества не только не достижима, но и не нужна; универсальное в глобальном действии коммуникации – это максимально достижимый результат» [4].

Робертсон полагает, что в конце XX в. мировое общество стало свидетелем крупномасштабного и противоречивого процесса, предполагающего истолкование «универсализации партикуляризма» и «партикуляризации универсализма». Соотношение частного и общего составило глобальную культурную форму, своеобразную ось, по которой сегодня выстраивается мир. По его утверждению, «гомогенный мир был бы нежизнеспособен» [4], и цивилизации и общества в процессе глобализации осознают свое «глобальное призвание», свою уникальность и способность обогатить мировую культуру.

На наш взгляд, оптимальную модель соотношения универсального и частного демонстрирует сейчас Япония. Следуя правилу «японский дух, западная технология», эта страна сумела в условиях всеобщих объединительных и унифицирующих процессов сохранить свою этническую и культурно-религиозную идентичность. Для японской культуры характерен осторожный отбор инокультурных элементов: при склонности к заимствованиям японцы берут из чужих культур (будь то китайская или американская) лишь те элементы, которые считают для себя нужными. Эти элементы затем включаются в японскую культуру, иногда меняясь до неузнаваемости. Поэтому активное освоение тех или иных элементов западного мира от кока-колы до формально демократических процедур вовсе не обязательно означает глубинную вестернизацию Японии.

В этой связи Робертсон заостряет внимание на том

обстоятельстве, что японское общество и его элита, сохраняя многие черты коренного уклада жизни и местной самобытности, вместе с тем одержимы идеей выхода из родной страны на глобальный уровень. Робертсон отмечает тонкую способность японской культуры не только выборочно заимствовать идеи у других обществ глобального мира, но и стремление превратить японское общество в глобальное общество [4]. Япония показала всему миру пример, как можно плодотворно взаимодействовать с другими культурами в условиях глобализации и при этом сохранить собственную идентичность.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном мире культурно-цивилизационная идентичность приобретает все большее значение по сравнению с другими направлениями идентичности. Как точно отметил С. Хантингтон: «В мире после «холодной войны» наиболее важные различия между людьми уже не идеологические, политические или экономические. Это культурные различия. Народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос «Кто мы есть?». Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов» [3].

Сегодня цивилизация – это высший уровень социокультурной идентификации и наивысшая культурная общность людей. «Есть несколько уровней идентификации людей: житель Рима может ощущать себя в различной степени римлянином, итальянцем, католиком, христианином, европейцем и жителем Запада. Цивилизация, к которой он принадлежит, является самым высоким уровнем, который помогает ему четко идентифицировать себя» [3].

Тем самым мы можем утверждать, что идентичность складывается скорее, как многоуровневый концепт. Подобно многослойному пирогу, идентичность имеет несколько уровней (слоев): это личностная, этническая, культурно-цивилизационная идентичности. Внутренняя структура и культурное наполнение общества выступают формирующим фактором в развитии связей этого общества с глобальным миром. Также внутренняя характеристика общества представляет компонент глобализации: она входит в структуру глобального мира и глобальной культуры. Избирательность культуры по отношению к заимствованным формам жизни и способам мышления служит тем механизмом, который может обеспечить успешное ее участие и жизнеспособность в глобальном пространстве.

Список литературы:

1. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд и др. ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. – М. : Праксис, 2004. – 575 с.
2. Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление / А. И. Уткин. – М.: Логос, 2001. – 253 с.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М. : АСТ ; СПб. : Terra fantastica, 2003. – 603 с.
4. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture [Text] / R. Robertson. – L. : Sage, 1992. – 211 p.

УДК: 316.42:141.7

ПОНЯТИЕ ЭКСТРИМА (СОЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС)

*Чудина Наталья Витальевна**кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России Симферополь*

CONCEPT OF EXTREME (SOCIAL DISCOURSE)

Chudina Natalia, Candidate of Science, associate professor of Crimean branch of Krasnodar University the Russian Interior Ministry Simferopol

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается источник (экстрим) всех нестандартных, чрезвычайных проявлений общества, которые получили название – экстремальных. Основной целью выступает установление понимания сущностных характеристик экстрима, поскольку, только поняв смысл причины, можно констатировать тенденции ее развития. В качестве результата можно отметить, что экстрим, являясь атрибутом человеческого и социального бытия, во многом определяет их способность к развитию и обеспечивает им возможность формировать собственное самосознание без оглядки на стереотипы.

ABSTRACT

The article is devoted to source of (extreme) the all unusual, extraordinary manifestations of society, which are called - extreme. The main purpose of the determination of acts of understanding the essential characteristics of an extreme. Therefore understanding the meaning of the reasons why we can say their development trends. As a result it can be noted that the extreme, being an attribute of human and social life, largely determines their ability to develop and provide them the opportunity to form their own identity without regard to stereotypes.

Ключевые слова: экстрим, экстремальность, социум, социальная система

Keywords: extreme, extremality, society, social system

Быстрый рост проявлений современного социума, получивших название «экстремальных» приводит к необходимости их фундаментального исследования, что позволит в последующем выявить не только закономерности их развития, но и установить все возможные причины их появления.

Однако, прежде чем рассматривать причины следует определить их источник таковым может выступать концепт «экстрим» [8], исследование которого обеспечивает возможность раскрытия его сущности.

Основы экстрима следует искать в природе человеческой психики, в основных ее защитных, компенсационных механизмах. Экстрим в своей основе содержит «граничность», «крайность». Находясь в пограничном положении, любая система приобретает импульс для дальнейшего развития, что обуславливает возможность ее развития, а не застоя.

Любая система, какой бы природы она ни была, имеет свою историю, поскольку ничто не возникает из ниоткуда и не уходит в никуда. Все системы имеют свою отправную точку, свое развитие, но, достигнув пика, переходят от эволюции к деградации, что в последующем ведет их к гибели. Однако не все системы существуют и функционируют по заданной схеме. Доказательством этого может служить открытие, сделанное в середине XX века в физике, когда исследователи обнаружили новый тип систем, названных в последующем «открытыми». Это системы, способные переживать более чем один виток развития: достигнув пика своего становления, они переходят на качественно новый уровень, где вновь повторяют путь развития от становления к ставшему.

К такому типу систем можно отнести и такие сложные самоорганизующиеся системы, как социум и психика человека. В этой работе предлагается рассмотрение проблемы с позиций социума. Так как объектом проводимого исследования является «экстрим», то соответственно задачей исследования будет исследование сущности

«экстрима» и выявление его сущностных характеристик с позиций социального.

Являясь атрибутом человеческого и социального бытия, экстрим во многом определяет его способность к развитию. В онтологии экстрим понимается как характеристика способа бытия, его становления и изменения, т. е. как динамический аспект бытия, а также как специфическое проявление в бытии, с претензией на особый онтологический статус в форме предельного основания. Понимание экстрима может быть отнесено и к положению, и к состоянию объекта в бытии, и к бытию в целом. Поскольку главные характеристики бытия - хаос и порядок, гармония и дисгармония. Экстрим, несет в себе потенциал изменения, тем самым предстает как внутренняя характеристика бытия.

Исследовать основания экстрима можно при рассмотрении нескольких категориальных оппозиций, которые дают возможность более четко увидеть суть концепта «экстрим» и рассмотреть его существенные характеристики.

Поскольку сам экстрим – относится непосредственно к внутреннему миру человека, а его проявление – экстремальность уже обнаруживает себя в социальной сфере, то в исследовании опираться следует на такие категориальные оппозиции:

Аномия – номос как оппозиция, относящаяся к бытию социума;

Норма – патология как оппозиция, относящаяся к двум исследуемым системам и к социуму, и к человеческой психике; в отношении индивида к социуму;

Смерть – жизнь как оппозиция, относящаяся к индивидуальной жизни личности, функционированию человеческой психики.

Исследовать взаимосвязь и взаимообусловленность обозначенных бинарных оппозиций можно, опираясь на основные парадигмальные установки синергетической модели построения «открытых» систем [9, 10]. При этом

следует обратить внимание на особый аспект развития «открытой системы» - ее выход, переход из «стабильного», «заданного» аттрактора, при условии усиления энтропийных процессов, в ситуацию бифуркации с наличием флуктуаций. Этот период развития «открытой» системы характеризуется усилением хаотического, беспорядочного, движения, что и приводит к ситуации, когда порядок уступает место хаосу, что в свою очередь обеспечивает дисгармонию и дестабилизацию самой системы.

Однако для открытой системы такие процессы являются скорее положительными, чем отрицательными, поскольку «позитивность исчерпана, остается место лишь для актуализации негативного...» [5, С.65]. Это, в первую очередь, связано с возможностью перехода системы на качественно новый уровень развития, что предполагает не отмирание системы, а ее дальнейшее развитие. Каково же место исследуемого концепта в системе такого типа, каким образом его можно зафиксировать и описать в обозначенных бинарных оппозициях. Первой рассмотрим оппозицию «Аномия - номос». Когда номос включает в себя смысл нормы, порядка согласованности целей индивида и возможность их достижения легитимным способом, в то время как аномия следует понимать, как «рассогласование, разрыв между социокультурными целями личности (группы), одобряемыми в обществе (материальный успех, престиж), и возможностями их достижения законными (институализированными) средствами» [4, с.107]. В состоянии перехода общества от номоса к аномии индивид находится в состоянии неопределенности своего бытия, когда его личные цели и потребности не могут быть достигнуты социально одобряемыми действиями. Это приводит к дестабилизации психологической составляющей личности, вызывая к жизни скрытые, агрессивные, деструктивные настроения. Находясь в переходном, пограничном положении, индивид проявляет склонность к нехарактерным для него поступкам, которые могут быть оценены как неадекватные, выходящие на границу между нормой и патологией, что в конечном счете и проявляется в девиантном поведении.

Поэтому рассмотрение экстрима только в рамках бинарной оппозиции «норма - патология» оказывается неправомерно узким, поскольку экстрим в этом случае понимается исключительно как нечто негативное, как некое отклонение от установленной в социуме нормы. Возникает вопрос: каковы критерии различения нормы от отклонения от нее, т. е. патологии? То, что считается нормой в некоторых конкретно-исторических условиях, может не восприниматься в качестве таковой в иных, изменившихся, условиях. Здесь некогда нормальное может восприниматься в качестве патологии, а то, что считалось патологичным, может быть представленным в качестве нормы. То есть, патология рассматривается как некая другая норма, «ее граница, предел, Иное» [6, 7]. В своей монографии «Социология девиантного поведения» Кошелев Ю. Ю. и Сафиуллин Н. Х. пишут: «В отечественной социологии девиантного поведения под «социальной нормой» понимается исторически сложившиеся в конкретном обществе предел, мера, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций». Социальные нормы соответствуют ценностям общества. Большинство из них закреплены в обычаях и традициях, возникших спонтанно в ходе общественного развития, хотя мо-

жет показаться, что они являются субъективными предначертаниями богов, идолов или вождей древности» [6, с.19-20]. Поэтому, если индивид в своем поведении или в определенном действии не выполняет общественно заданных и одобряемых норм поведения, то его действия или поведение будет расценено как общественно неодобряемое или даже преступное. Норма имеет центральное значение для определения поведения индивида в обществе. «Социальные нормы есть результат отражения в сознании и поступках людей закономерностей функционирования конкретного общества» [там же, с. 20]. При таком подходе к определению нормы и выделению нескольких ее видов, влияющих и регулирующих общественную жизнь, можно сделать вывод:

➤ Если индивид самостоятельно или в силу, каких-либо обстоятельств не вписывается в социальную систему с определенными нормами, в систему общественного развития своего времени, то, соответственно, характер его поведения будет рассматриваться с позиций этого общества как ненормальный, девиантный.

В таком случае, если говорить о социуме, то поведение человека в обществе не подпадает под определение нормы, поскольку человек - существо, имеющее множество качеств, функций и ролей. По одним параметрам он принадлежит к большинству, а по другим - к меньшинству (например, он может быть бедным или богатым, молодым или старым), но всегда демонстрировать в своем поведении некое единство рационального и иррационального. Поэтому каждый может считаться экстремалом - в силу неопределенности своего статуса, специфических качеств личности, и рассматриваться как индивид с отклонением от нормы.

Несмотря на распространенное понимание экстрима как отклонения от нормы, все же невозможно дать строгое определение отклонения через понятие нормы, которое, в свою очередь, потребует определения экстрима через понятие отклонения. Определение превращается в тавтологию.

В связи с этим, базовыми понятиями, приемлемыми для изучения экстрима как концепта, с помощью которых можно обозначить положение объекта относительно чего-то другого и его пребывание на границе некой зоны, являются понятия «граница», «предел». Движение объектов на границе означает переход на иной онтологический уровень или выход на границу с иной сферой бытия. Как отмечает антрополог С.П. Гурин, применительно к человеку можно говорить о границах индивидуального бытия, отличающегося от бытия других людей и о границах человеческого бытия. Граница моего бытия - Другой, Иной, отличный от меня. Понятие нормы в данном контексте обозначает «меру трансформаций», в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность, сохраняют свои качества и функции» [2, с.28]. На временность и историчность человеческого существования, на его начало и конец, указывает понятие предела. «Предел - линия, обозначающая конец протяженности того или иного тела» [1, с.342]. Осознание собственной конечности, исследование пределов человеческого бытия является предпосылкой для «выхода за пределы» способа существования, для возможности повышения своего статуса.

Коррелируя с понятиями «граница», «предел», понятие «экстрим» используется в смысле выхода на границу, осознания предела, как собственной телесности и

существования, так и пределов социума. Новые социальные структуры и отношения могут возникнуть только на границе. На периферии старых структур, их становление происходит при переходе через хаотическое состояние, когда меняются нормы и ценности, формируются новые устойчивые системы. По мнению Г. Зиммеля, «жизнь была бы абсолютно иной, если бы граница была бы всякий раз окончательной, если бы в идущей вперед жизни – как в целом, так и в каждом ее проявлении – сомнительное не делалось бы несомненным» [3, с. 8-9].

Таким образом, Экстрим одновременно выступает как граница определенности и как средство, позволяющее выходить на эту границу системной ограниченности для дальнейшего развития системы.

Объективные основания экстрима заключены в индивидуальном бытии и коренятся в социальных отношениях индивида, в которые он вступает в процессе жизнедеятельности. Только осознание собственной «конечности» заставляет человека задуматься о смысле собственного существования и о своем развитии. Смысл смерти существенно обуславливает смысл жизни.

В то время как для бытия общества необходимо развитие, иначе оно заявляет о своей летальности. Развитие означает постоянное изменение бытия, такие качественные изменения, которые реализуют потенциал, изначально заложенный в системе. Как известно, источником развития выступает противоречие между системой в целом и ее элементами. Это противоречие оценивается как рассогласованность системы, как угроза ее существованию. Атрибутом человеческого и социального бытия выступает экстрим. Поскольку механизм развития – это количественно-качественные преобразования, а постепенное накопление количественных (внешних, несущественных) изменений ведет к появлению нового качества, то чрезмерный рост экстремальных элементов свидетельствует о возрастании кризисных явлений в обществе. Происходят структурные изменения в обществе, которые, в конечном итоге, ведут к новому качеству системы. Отсутствие развития означает, что ступень, которой достигла развивающаяся система, находится в состоянии временного равновесия, согласованности, гармонии. В этот период число экстремальных элементов не превышает некоего уровня, достаточного для такого состояния общества. Но через какое-то время может вновь возникнуть потребность в развитии, то есть, в приведении системы в новое качественное состояние согласованности ее элементов.

Подводя итоги, можно отметить, что: Экстрим имеет не только социальный контекст, но и онтологическое измерение, так как выражает способность находиться на краю, на границе социального бытия. Коррелируя с понятиями «граница», «предел», экстрим используется в смысле выхода на границу. Понятие «экстрим» может быть отнесено как к положению и состоянию некоторого объекта в бытии, так и к бытию в целом. Рассмотрение экстрима как концепта дает возможность говорить о нем только в том случае, когда рассматриваются внутренние аспекты человеческой субъективности, так как носителем экстрима является человек. Экстрим обеспечивает человеку и социуму возможность формировать собственное самосознание без оглядки на стереотипы.

Список литературы:

1. Гурин С. П. Проблемы маргинальной антропологии. Саратов, 2002. – 130 с.
2. Гурин С.П. Проблема маргинальности в философии и религиозной антропологии: автореф. дисс. доктора филос. наук: 09.00.13. Саратов, 2003. – 46 с.
3. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. Избранное. М.: Юрист, 1996. – 607 с.
4. Ковалева А. И. Социализация личности: норма и отклонение. М.: Изд-во "Норма", 1996. – 223 с.
5. Корчелов В. В. Социальное регулирование девиаций: структура процессы: монография. М.: 2000. – 235 с.
6. Кошелев М. И. Социальный экстремум: философско-социологический анализ. М.: Горизонт, 2000 – 180 с.
7. Кошелев Ю. Ю., Сафиуллин Н. Х. Социология девиантного поведения: монография. Казань, Казанский государственный университет, 2000. – 160 с.
8. Красиков. В.И. Экстрим: Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М.: Водолей Publishers, 2006. – 496 с.
9. Пригожин И., Стенгерс И. «Порядок из хаоса»: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
10. Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. М.: Наука, 1985. – 327 с.

РЕГУЛЯТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЗНАНИЯ И БЫТИЯ

Чумаков Валерий Александрович

Инженер, г. Дзержинск, Нижегородской области

REGULATORY COOPERATION CONSCIOUSNESS AND BEING

Valery Chumakov, Engineer, Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod region

В статье исследовано материалистическое понимание истории. Анализ показал недостаточность её доказательной базы. Представлен механизм общественного развития, выражающийся в регулятивном взаимодействии общественного сознания и общественного бытия. Найдено, что противоречие, возникающее в период формационных изменений между совокупным общественным сознанием имущих и неимущих классов, являющимся категорией формы способа производства и его содержанием, приводит к смене социально-экономических отношений и всей формации в целом.

Ключевые слова: материалистическое понимание истории, развитие, регулятивное взаимодействие, общественное бытие и сознание, регулятивное понимание истории.

The article deals with the materialistic understanding of history. The analysis has shown its lack of evidence. Presents the mechanism of social development that manifests itself in regulatory interaction of public consciousness and social being. Found the contradiction in the period of structural changes between total social consciousness have and have-nots classes, which is the category of the form of the mode of production and its contents, leads to a change of socio-economic relations and the entire formation in General.

Keywords: materialistic understanding of the history, development, regulatory cooperation, social being and consciousness, regulatory understanding of history.

Существующее понимание исторического процесса можно разделить на три субстанционных подхода: идеалистический, натуралистический и материалистический, который разработал К. Маркс, проведя критический анализ метафизического, фейербаховского материализма, перенося материалистическое решение основного вопроса философии в сферу социальных явлений истории человечества.

Из начальной части материалистического понимания истории, изложенной в предисловии к книге «К критике политической экономии», следует, что материальное бытие является главным в связке бытие - сознание, обозначая жёсткую заданность сознания бытием. Вторая часть гипотезы отображает процессы, от которых зависело развитие общества - противоречия между производительными силами и социально - экономическими (производственными - по Марксу) отношениями, пробуждающие «социальную революцию» [1, с. 6]. Однако, как в предисловии, так и на протяжении всей книги они не получили доказательного подтверждения.

На Земле, около 4 миллиардов лет назад, в процессе взаимодействия различных факторов косной - неживой материи сложились условия возникновения жизни. Природа, внешние условия, «бытие» определяли как эволюцию, так и поведение живых организмов, обеспечивающее сохранение жизни, осуществление питания и продолжения рода. Конечным результатом развития стало появление человека разумного. К косной и живой материи добавилась материя социальная. Человек, обладая органами чувств, развитым головным мозгом и сильными передними конечностями, позволяющими трудиться, стал во всё большей степени вмешиваться в своё бытие. В нём чудесным образом соединилось идеальное: сознание, мышление и материальное, которое своими действиями преобразовало природу под своё понимание безопасного и комфортного существования. Преобразование происходило в результате взаимодействия сознания человека и его окружения - бытия, в которое входили как природные, так и социальные условия. Взаимодействие представляло естественно организованную систему регулирования. Человек являлся регулятором (субъектом регулирования) бытия - предмета (объекта) регулирования, между которыми действовали каналы прямой (управляющей) и обратной (информационной) связи. Появился замкнутый процесс регулятивного взаимодействия сознание - бытие. Характер этого взаимоотношения с течением времени менялся, дойдя до того, что человек своими действиями стал превалять над природой, изменяя её под свои нужды. Человек начал определять своё бытие. В масштабах общества индивидуальные процессы взаимодействия сознания и бытия переходят в своё массовое состояние - регулятивное взаимодействие общественного сознания и общественного бытия [2, с. 35-41].

Исследование становления и развития социальной материи указывает на первое заблуждение материалистического понимания истории, которое кроется в тезисе «бытие определяет сознание». Определять, обуславливать, косная материя способна живую материю, но никак не человека, вызывая ошибочное и унижительное суждение о его равенстве с животным. Все люди участвуют в регулятивном взаимоотношении с их частным бытием, активно воздействуя на него. Однако, большинство людей довольствуются существующим общественным бытием, частично подтверждая мысль Маркса, что оно определяет их сознание. Вместе с этим психологи утверждают, что среди людей имеется примерно 10-15% личностей, остро воспринимающих действительность, сомневающийся, которые видят недостатки общественного бытия и способны бороться с ними. В их число входят изобретатели, учёные, политики, лидеры политических партий, общественные деятели, предприниматели и т.п. Эти люди рассматривают бытие как арену своей активной деятельности. Идеальная деятельность отдельных личностей, материализуясь, постепенно становится идеальным достоянием большинства народных масс, основой общественного сознания, побуждая их к коллективным действиям для изменения общественного бытия. Регулятивное взаимодействие общественного сознания и общественного бытия становится основным фактором социального развития.

Обращаясь к основной части гипотезы К. Маркса, можно сказать, что анализ человеческой истории показывает отсутствие прямой связи между «противоречиями» производительных сил и социально - экономических отношений, и наступающей «эпохой социальных революций», что является вторым заблуждением материалистического понимания истории. Маркс, по видимому, не представлял сути этой связи и сущности общественного «детектора», чувствительного к несоответствию производительных сил и социально-экономических отношений, который должен подать сигнал к социальному переустройству общества. Учебники истмата упоминали о диалектике производительных сил и социально-экономических отношений, но тоже не объясняли механизм влияния этих противоречий на обострение классовой борьбы. Было не понятно, что даёт сигнал к началу социальной революции, и какой закон диалектики использовался в этом случае. К тому же, люди не чувствуют снижения темпов технологического развития общества, хотя они хорошо ощущают степень своего духовного, психического и материального состояния - свободы или угнетения, эксплуатации и несправедливости, зависимых от социально-экономических отношений. Поиски чувствительного датчика и источника сигнала приводят нас к психике человека и человеческого сознания вообще.

С другой стороны периодическое появление «противоречия» между производительными силами и соци-

ально-экономическими отношениями не является, в общем-то, доказанным. Существуют ли это противоречие, которое вызывает «социальную революцию»? Настоящие противоречия закона единства и борьбы противоположностей, действуют между органически взаимосвязанными элементами, являющимися родственными, однородными объектами, имеющими одинаковую сущность. В качестве примера можно привести пролетариат и буржуазию, являющиеся однородными объектами.

Для того чтобы обойти это препятствие в историческом материализме появился тезис, который стал выдаваться за доказательство противоречия производительных сил и социально-экономических отношений. Он был основан на том, что в способе производства были выделены диалектические категории содержания - производительные силы и формы, состоящей из социально-экономических отношений, между которыми, согласно общим представлениям диалектического материализма, возникают внутренние противоречия. Такая расстановка диалектических категорий прекрасно ложилась на материалистическую концепцию Маркса о развитии общества, связанную с противоречием «развивающихся» производительных сил и «застывших» социально-экономических отношений. Это позволило сформулировать в истинате «общий, действующий на протяжении всей истории социологический закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил», из которого следует зависимость социально-экономических отношений от развития производительных сил, отражённая в учебниках по истинате.

В начале восьмидесятых годов в философии исторического материализма появилось исправленное, научное выделение категорий содержания и формы способа производства отличное от предыдущих представлений истинаты. Диалектический материализм требовал включать все элементы и процессы рассматриваемого объекта в его содержание, поэтому в книге «Материалистическая диалектика как научная система», пожалуй, впервые говорится: «Исходя из определений категорий содержания и формы, нельзя считать... производственные отношения – формой производительных сил. И производительные силы, и производственные отношения являются элементами способа производства и тем самым входят в его содержание. Тем не менее, чуть ниже продолжало утверждаться, что: «Формой же способа производства выступает связь между его элементами, т. е. та связь, которая очень чётко и вполне конкретно выражается в законе соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил» [3, с. 197].

Социально-экономические отношения по праву стали частью содержания способа производства, однако сомнительным представляется выделение в качестве формы некоего «соответствия» между элементами содержания. Может ли неопределённое и бесконфликтное понятие «соответствие» являться причиной связи, скрепляющей воедино производительные силы и социально-экономические отношения, что должно быть свойственно форме способа производства? Анализ показывает, что «соответствие» не может определять связь между элементами содержания, поскольку оно является следствием взаимосвязи элементов содержания, следствием функционирования некоей реальной формы, как причины организующей единый целостный объект. Не подтверждается и положение диамата о наличии внутренних противоречий

между диалектической формой и содержанием, которое было выбрано в качестве движущей силы развития способа производства.

Реально саморазвивающимся видом, в котором может появиться противоречие между формой и содержанием, приводящее к изменению содержания, является социальная материя. Памятуя о том, что человек является существом дуальным, включающим как материальную, так и идеальную составляющие, позволяющие ему творчески подходить к изменению бытия, определим его диалектические категории содержания и формы. В содержание входят органы, клетки, молекулы ДНК, физиологические процессы и другие материальные образования. В форму необходимо входят расположение клеток и органов, процессы, связанные с генетическим механизмом развития и поддержания гомеостаза организма, а также функционирование головного и спинного мозга, поддерживающих как внутреннее взаимодействие органов человека, так и его взаимодействие с окружающим миром. Идеальная составляющая: сознание, мышление, подсознание головного мозга, поддерживаемое «деятельностью» спинного мозга становится, по мере взросления главной частью формы человека. Эта часть формы заботится о целостности своего организма, взаимодействуя с болевыми сигналами, поступающие от него, а также от окружающего мира, препятствуя его преждевременной кончине. Перенесём эту азбучную истину на большие социальные структуры: семью, различные социальные организации, на общество, наконец. Что в них является формой? Ещё Маркс говорил, что идея, овладевшая массой, становится материальной силой. Этим он выразил подсознательную мысль, что идеальное является фактором, от которого зависит сплочённое поведение людей. Коллективное сознание играет роль формы общественной организации, способной изменить её содержание. В социальных структурах форма представляет, в отличие от косной материи, пространственно отдельное виртуальное образование. Единство социальных образований определяют не финансы, не оборудование и технологии, которые относятся к содержанию, а идеальная воля и желания людей, воплотившиеся в форму и зафиксированные в учредительных документах.

Материальное в обществе – общественное бытие, способ производства связаны, как и в человеке, с идеальным - общественным сознанием, ментальной составляющей общества, которое не только скрепляет, связывает, но ещё и регулирует бытие. К содержанию способа производства следует отнести производительные силы и социально-экономические отношения [3, с. 197]. Что же «склеивает» их и даёт возможность развития способа производства, что является его формой? Главными составляющими производительных сил и социально-экономических отношений являются люди, обладающие сознанием, которое в массовом масштабе трансформируется в общественное сознание, регулятивно взаимодействующее с общественным бытием, включающим способ производства. Общественное сознание обеспечивает сохранение способа производства, как экономической структуры, отвечающей за жизнь и судьбу людей в каждой формации, являясь формой способа производства. В каждом социуме общественное сознание расколото, как минимум, на сознание трудящихся и сознание хозяев средств производства, которые являются противостоящими структурами, вовлечёнными

в диалектическую закономерность единства и борьбы противоположностей. Разделение общественного сознания как формы способа производства даёт возможность каждому классу, на основе регулятивного механизма взаимодействия общественного сознания и общественного бытия, определять свою линию поведения в развитии способа производства. Буржуазии необходимо сохранение угнетения и эксплуатации людей, извлечения максимальной прибыли, трудящимся массам - достижение справедливого и равноправного общества, свободного от эксплуатации человека человеком. Это противоречие в общественном сознании, как формы способа производства, лежит в основе его развития и, в первую очередь, в развитии социально-экономических отношений.

Изменение содержания способа производства зависит от развития соотношения общественных сознаний противостоящих классов, которое определяет характер классовой борьбы, являющейся инструментом, изменяющим это содержание. В стационарном периоде развития суммарное действие раздвоенного общественного сознания поддерживает единое, устойчивое содержание способа производства. В этих условиях между противоположными частями общественного сознания устанавливаются отношения паритета, как следствие некоторого равновесия в противостоянии биполярной формы способа производства. Когда происходит количественное изменение соотношения общественных сознаний противостоящих классов в пользу угнетённого класса, образуется качественно новое совокупное общественное сознание, которое обеспечивает появление противоречия между новым общественным сознанием и существующим общественным бытием, создавая революционную нестационарную ситуацию.

Нарушение формационного равновесия противоречий общественных сознаний противостоящих классов приводит к тому, что совокупное общественное сознание, как форма способа производства, становится противником существующего содержания, вызывая обострение классовой борьбы и начало социальной революции, которая при благоприятном стечении субъективных и объективных обстоятельств приводит к качественному изменению социально - экономических отношений. Замена их даёт возможность развитию производительных сил общества в условиях новой общественно - экономической формации. Радикальное противоречие между совокупной

формой и содержанием способа производства, появившееся в предреволюционных условиях, исчезает. Формация начинает новое квазистационарное развитие, постепенно накапливая появляющиеся противоречия в общественном сознании, для достижения нового соотношения классовых сил, необходимого для следующей смены социального устройства. Анализ общественного развития показывает, что, в основном, производительные силы всегда соответствовали имеющимся социально-экономическим отношениям, которые определяли их уровень и характер развития. Теоретическое обоснование процессов формационного регулятивного развития подтверждается многочисленными историческими примерами развития рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формаций. В связи с этим, следует признать существовавший до сих пор закон развития материального производства в виде соответствия элементов содержания не отвечающим сути происходивших исторических событий.

Подводя итог исследования процесса общественного развития можно утверждать, что регулятивное понимание истории преодолевает односторонность как идеалистического, так и материалистического взгляда на общественное развитие. Эволюция человечества происходила в результате суммарного действия взаимосвязанных процессов: регулятивного взаимодействия общественного сознания и общественного бытия, а также воздействия совокупного общественного сознания, как формы способа производства на его содержание в процессе формационного регулятивного развития. Регулятивное понимание истории позволяет с максимальной достоверностью производить исследование развития человеческого общества и его прогнозирование.

Список литературы

1. Маркс К. К критике политической экономии. К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. т. 13.
2. Чумаков В.А. Регулятивный механизм развития общества //Философия как инновационный фактор науки и образования. Новые идеи в философии. Выпуск 21. Материалы всероссийской научной конференции. Пермь, 2013, т. 2, с. 35-41.
3. Материалистическая диалектика как научная система. Под редакцией проф. А.П. Шептулина. М., 1983.

СУДЬБА И СУЩЕСТВОВАНИЕ

Денисова Татьяна Юрьевна

канд. филос. наук, доцент Сургутского государственного университета

FATE AND EXISTANCE

Denisova Tatiana, candidate of philosophical science, associate professor of Surgut State University, Surgut, Russia

Аннотация

В статье анализируется роль концепта судьба как условия осмысления существования. Сопоставляются два подхода к соотношению феноменов судьбы и существования: ретроспективный и перспективный. Первый из них основан на идее, что судьба есть завершившееся существование. Второму опирается на тезис, что судьба есть проект будущего существования. Обосновывается мысль о том, что понятие судьбы, подразумевающее пространственно-временные границы существования и пределы возможностей его трансформаций, придает существованию смысл и определенность.

Abstract

The paper analyzes a role of the concept of fate as a condition for the comprehension of the existence. It compares retrospective and prospective approaches to the correlation of the phenomena of existence and destiny. The first one is based on the idea that fate is the finished existence. The second of them is based on the thesis that the fate is a project of the future existence. Substantiates the idea that the concept of fate, implying a spatial and temporal boundaries of the existence and limits of its transformations, gives the existence a meaning and a certainty.

Ключевые слова: судьба, существование, судьбоносное событие, смерть, личность.

Keywords: fate, existence, fateful event, death, the person.

*Тот, кто прилепился к одной точке,
является просто разумной устрицей.
Ф. Шлегель.*

Г. Зиммель отмечал, что тема судьбы незаслуженно находится в пренебрежении со стороны философии, поскольку не воспринимается как достойный, серьезный объект исследования. Это происходит потому, прежде всего, что любая систематическая философия рационалистична, а значит, исключает все недоказуемое, сомнительное, непостижимое [5, с. 163] (хотя философия, собственно говоря, в течение всей своей истории мужественно – но не наивно, и не безрассудно – берется за рассмотрение тех вопросов, которые представляются непостижимыми). Кроме того, различные типы философского дискурса отказываются от глубокого исследования темы судьбы (исключая, наверное, лишь историко-философское направление) по разным соображениям: идеалистическая философия отрицает судьбу, так как выводит все происходящее с субъектом из него самого; пантеизм «растворяет все индивидуальное в единстве бытия» [5, с. 164], и потому тема судьбы индивида его не интересует. Естественно, что и материалистической философии тема судьбы оказывается органически чуждой, так как то, что принято называть судьбой, невозможно детерминировать законами материального мира, подвести под нее исключительно объективные основания. В результате тема судьбы по умолчанию оказывается отнесена к проблемному пространству религии, мифологии, обыденного знания, оккультизма, художественной культуры, но не философии.

Однако невозможно не заметить, что во-первых, тема судьбы способна получить по-настоящему глубокое достойное звучание именно в рамках философского рассмотрения, а, во-вторых, даже стыдливо не названная по имени, она оказывается с необходимостью включена в рассмотрение многих онтологических, философско-антропологических, этических проблем, и прежде всего – проблемы оснований и смысла человеческого существования.

Концепт судьбы позволяет увидеть индивида в цельности его сущности и существования, заключая его в границы не только произошедшего (в том числе и случайно) и принадлежащего его личности и биографии, но и возможного, позволяя увидеть в его жизни за кажущимся беспорядочным нагромождением событий смысл и значимость. Идея судьбы снимает антиномию оснований человеческого существования, соединяя, согласуя и примиряя два базовых условия: включенность в Целое (природное и социальное), и соответственно, подчинение его законам; и разворачивание индивида из сердцевины собственного сущности в процессе существования.

Соотнесение полюсов бинарной оппозиции «существование-судьба» на первый взгляд не выглядит проблемной и может быть представлено двояко: 1) свершаясь, осу-

ществляясь, судьба должна проходить через процесс существования, которое впоследствии, будучи осмыслено целиком, и предстает как судьба; 2) судьба индивида, изначально трансцендентная ему, определяет его существование и управляет им. Однако и та, и другая схема имеют одно и то же слабое место – они обесмысливают человеческую жизнь. И все же связь судьбы и существования не так проста.

Нам трудно принять мысль о том, вся наша жизнь – лишь реализация готового, возникшего еще до рождения плана. Роль фигуры в разыгрываемой кем-то партии лишает существование смысла. Но вместе с тем, восприятие жизни как спонтанного существования, представляющего чередование случайных поступков и событий, также лишено осмысленности. Представление о судьбе, очерчивая контуры предстоящего, соединяет уже известное прошлое и настоящее с неизвестным будущим, придавая существованию завершенность, а, значит – смысл. Не только отдельные события жизни оказываются поняты, когда они вписаны в контекст всей жизни, с ее началами и концами, но и сама жизнь целиком может быть осмыслена как то, что предназначено к чему-то, происходило «для чего-то».

Очевидно, что два обозначенных нами подхода к пониманию связи между судьбой и существованием нуждаются в более детальном рассмотрении, причем именно рациональном, без привлечения мифологической, религиозной, мистической традиции и без апелляции к представлениям и объяснительной практике обыденного сознания. Первый, основанный на идее, что уже прожитое существование оценивается как судьба, может быть условно назван *ретроспективным*, второй, базирующийся на предположении, что предстоящий ход существования детерминирован планом судьбы – *перспективным*.

1. Существование и судьба: ретроспективный взгляд.

Смерть как конец существования и условие его осмысливания в качестве судьбы. Важнейшим основанием для смысловой дифференциации существования и судьбы и характеристики их отношений является феномен смерти.

Для того, чтобы нечто было понято и оценено в своем значении отдельного и определенного, оно должно обладать целостностью и завершенностью. Существование никогда не дано целиком, никогда не завершено, оно не может быть схвачено в своем единстве. Смысл всегда лежит вне, за пределами конкретного объекта, конкретного существования, поскольку только выход за пределы позволяет увидеть его место и назначение, его «зачем» и «для чего» в контексте объемлющего его внешнего, и потому только смертное, конечное существование может быть осмыслено как судьба. «Смысл связан с концом, – писал Бердяев. – И если бы не было конца, т.е. если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла

в жизни не было бы. Смысл лежит за пределами этого замкнутого мира, и обретение смысла предполагает конец в этом мире»[1].

В отличие от судьбы (либо как проекта – то есть того, что «суждено» и потому произойдет, – либо как уже свершившегося), всегда цельной и завершенной, существование представляет собой открытый процесс. Смерть заключает существование в границы, позволяя структурировать его содержание, выявлять интенции, соотносить возможное с итогом. Только завершившееся существование обретает судьбу и потому имеет смысл. Так смерть связывает существование и судьбу, обуславливает одно другим. «Сущее, чью сущность составляет экзистенция, сущностно противится возможному схватыванию его как целого, – указывал Хайдеггер. – В присутствии, пока оно есть, всегда недостает еще чего-то, чем оно способно быть и будет» [9, с.243]. И вместе с тем, Хайдеггер, отмечая, что нецелость, находящая свой конец со смертью, неустраима в присутствии, утверждает, что и смерть не означает завершенности, поскольку «присутствие может достичь зрелости еще до своего конца, а может кончиться незавершенным» [9, с.244]. Мы еще вернемся к этой мысли несколько далее.

Существование дано нам в опыте, в непосредственном переживании, оно предполагает обязательное присутствие в происходящем. Однако синхронность события и его переживания затрудняет его понимание и рациональную оценку. Истолкование судьбы, напротив, требует дистанции, отстраненности, чтобы увидеть нечто целиком, в его границах и пространственной, временной, смысловой связи с тем, что лежит за их пределами. Отстраненность не позволяет прочувствовать, но помогает осмыслить. Смерть дает возможность такого отстранения, дистанции, она позволяет оценить существование как готовое нечто, которое уже не станет другим.

Смерть выступает естественной границей существования, она отделяет и соединяет существование с несуществованием, подобно тому, как кожа соединяет и отделяет внутреннее пространство тела от внешней среды, помещая в свои пределы *все*, что произошло и отсекая возможность включить сюда что-то еще. Для существования неважно, что лежит за границами смерти, это никак не принадлежит и не может ему принадлежать. Тем самым смерть оказывается отделенной от существования, она не имеет для спонтанного существования принципиального значения и не имеет к нему отношения. Кроме того, в процессе существования человек не осознает смерть как собственную предстоящую реальность: «Я бессмертен, пока я не умер», – как писал А.Тарковский. То есть существование осознает себя как бесконечное.

Для судьбы, напротив, смерть имеет принципиальное значение: она является важнейшим условием целостности и завершенности судьбы, отправной точкой ее осмысления. «Я иду к моему средоточию, к окончательной формуле, зеркалу и ключу. – писал Х.-Л. Борхес о смерти. – Скоро узнаю, кто я» [2, с.673]. Смерть включена в судьбу, не обрывая, а завершая ее. Имеет значение не только когда, но и как наступила смерть: для рисунка судьбы важно, «своей» ли смертью умер человек (достойной или нет, соответствующей ли статусу и т.д. – ведь смерть может быть трагической, нелепой, героической, смешной («жил грешно и умер смешно»), смертью праведника, труженика, героя). Смерть не просто завершает жизнь, но делает очевидным факт ее единственности, неповто-

римости, конкретности. Кроме того, будучи осознаваемой человеком как необходимый предел его существования, она налагает ответственность за жизнь, ее выборы, риски, триумфы и промахи. В высказывании О. Паса: «Скажи мне, как ты умер, и я скажу тебе, кто ты» [8, с.27] смерть предстает как квинтэссенция уникального существования.

Однако смерть не планируется специально, ее нельзя выбрать, к ней, как правило, не готовятся – за особыми случаями. Нельзя исключать возможность внезапной смерти от болезни, убийства, несчастного случая. В случае авиакатастрофы или бомбежки жилого квартала одновременно погибает огромное количество разных людей, объединенных только пространством и ситуацией. И есть ли заслуга того, кто мирно умер во сне в глубокой старости «хорошей смертью», говорит ли что-то «хорошая» (или наоборот) смерть о жизни умершего? Однако и случайная смерть все же не вполне случайна. Классический пример – смерть Сократа. Но можно вспомнить и другой, более близкий по времени, пример. Выдающийся философ М.К. Мамардашвили, вероятно, сам считал бы свою смерть в аэропорту Внуково случайной. Он возвращался из США после трехмесячной поездки с лекциями в ноябре 1990 года в Грузию, где в то время Гамсахурдия расправлялся со своими политическими противниками. Мамардашвили знал, что ехать туда опасно. Когда звядаисты, которые нашлись среди попутчиков, начали кричать и отталкивать его от трапа самолета, он развернулся и пошел через летное поле. Потом упал – не выдержало сердце, инфаркт. До Грузии он не доехал. Вряд ли, думается, эту смерть можно назвать случайной. Мераб Константинович Мамардашвили умер так же, как жил – поступая так, как считал нужным.

Разумеется, смерть может и не быть закономерной, справедливой формой окончания жизни, не выглядеть ее заслуженным (и в позитивном, и в негативном смысле) итогом – чаще всего так и есть. Однако если само событие смерти является просто завершением существования, то ее форма – важной характеристикой судьбы, ее значимым моментом.

Событийное содержание существования. Различие между существованием и судьбой задается не только их разными отношениями со смертью (смерть, повторим, прекращает существование, придавая смысл судьбе), но и различной значимостью событий, которые составляют их содержание.

Существование лишено законченной формы, но при этом богаче событиями и возможностями, оно не скупится на развилки, миновав которые, человек не избавлен от бремени не только избранной, но и неизбранной дороги. Эта мысль выразительно звучит в известном стихотворении Р. Фроста «Неизбранная дорога». Его герой, уже сделавший осознанный и непростой выбор, одновременно и признает его окончательность, и высказывает желание реализовать возможность, от которой он отказался в пользу альтернативной: «Неизбранная, час пробьет и твой! / Но, помня, как извилист путь любой, / Я на развилку, знал, вернусь едва ли» [11, с. 77].

Ретроспективный взгляд на прожитую жизнь видит все на своих местах. Каким бы несчастным, неловким не выглядело уже состоявшееся, все в нем будто неслучайно, так как связано цепью причин и следствий, следовательно – единственно возможно. Состоявшееся, устоявшееся, ставшее, застывшее уже не допускает вариантов, альтернатив. Но текучее, длящееся, спонтанное существование

всегда вариативно. Отливаясь в судьбу, оно обретает порядок, красоту, соразмерность, объяснение. Цена этому порядку – окончательная утрата конкурирующих вариантов, отсечение возможностей, игнорирование и забвение «лишнего», которое не укладывается в общую смысловую картину. Причем «лишнее» субъективно оценивается как таковое с позиций внешнего наблюдателя, другого, других: что-то осталось незамеченным, что-то было сочтено неважным. Горький трагизм эпитафий и состоит в том, что «лишнее», возможно, и составлявшее главное в существовании умершего, теперь отсечено и забыто навсегда: «Где след этих дней, / Которые принадлежали тебе, сплетались / Из бед и удач и были твоей вселенной? / Все они смыты / Мерной рекой времен, и теперь ты – строка в указателе [2, с.579].

Судьба, которую можно выразить идеей, формулой, не вмещает всего количества фактов, событий существования, но оформляет, сохраняет и осмысливает то, что вместила. События существования отвечают на вопрос «почему», события судьбы – на вопрос «зачем». Существование – это перечисление и описание, судьба – объяснение, расшифрованное существование.

Чтобы существование стало судьбой, из него должно быть выхолощено «лишнее». Что же является критерием «лишнего»?

Н. Гартман делает интересное наблюдение о том, что лишь события и отношения, демонстрирующие свое превосходство над человеком, переживаются им как судьба. Среди всех событий существования, которые человеком претерпеваются, что бы он при этом ни испытывал – воодушевление, отвращение, уныние, потрясение – к судьбоносным он относит в первую очередь те, чью неумолимую власть, даже гнет он чувствует острее всего, из которых он не может «безоговорочно выйти», в которые он заключен [3, с. 386. То есть судьба – это та часть его существования, которая максимально отчуждена от его воли, целей, планов, но вместе с теми именно к ней он привязан особенно прочно. Именно в переживании наиболее горьких, неприятных, тяжелых событий он оказывается максимально затронут реальностью, реальность ощущается им во всей ее тяжести. Он не постигает судьбу в процессе претерпевания этих событий, но оказывается захваченным ею. В несколько меньшей степени это касается событий позитивного характера – таких, как необыкновенное приключение, любовь, экзистенциальное открытие, встреча с удивительным человеком, также способных вызвать это чувство абсолютной захваченности (в форме религиозного экстаза, очарованности, восторга, потрясения, воодушевления.

Таким образом, из существования, осмысленном как судьба, исключается не только все необъяснимое или необъясненное, бессвязное, случайное, забытое или незамеченное но и то, что просто кажется слишком обычным, в чем не виден умысел и цель.

Среди всего корпуса событий, составляющих существование, есть те, которым приписывается особый статус «судьбоносных», природа которых неоднозначна. Становится ли событие судьбоносным, оцениваясь ретроспективно, то есть как то, что, произойдя случайно, вызвало последствия, принципиально важные для дальнейшего хода вещей, либо оно является таковым, так как обусловлено изначально общим направлением судьбы конкретного индивида, соотносено с его личностью?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы попробуем взглянуть на проблему судьбы иначе, а именно в плане ее перспективного развертывания в ходе существования.

2. Судьба и существование: перспективная проекция.

Случай и судьбоносное событие. Неверно было бы считать, что любое произошедшее, осмысливаясь ретроспективно, обретает вид судьбы или называется судьбой: напротив, судьба будто притягивает одни события, людей действия и заставляет миновать другие. То есть, изначально обладая смыслом, она втягивает в орбиту личности только то, что с этим смыслом может быть соотносено. Г. Зиммель прямо связывает «судьбоносное» в нашем существовании с личностью: «Бесчисленные события хоть касаются поверхности нашей фактической жизни, но не той ее индивидуально осмысленной направленности, которая выступает как наше подлинное Я. <...> можно все же говорить о некоем пороге судьбы для неких квантов значимости события, которые способны способствовать или препятствовать осуществлению целей нашей жизни» [5, с. 165]. Потому-то мы все происходящее с собой или другими квалифицируем различным образом – как приключение, происшествие, казус, случай, событие.

Событие судьбы не может быть бессмысленным. Случайность, которая ему несомненно в какой-то мере присуща, уходит на периферию, в тень. Неслучайность случая, приведшего к важнейшим переменам в жизни, мы трактуем телеологически («к тому и шло», «видно, на роду написано»), а не просто детерминистски («потому что»). Именно благодаря телеологии случая – позитивной или негативной – мы говорим об этом случае как о судьбоносном событии. В судьбоносных событиях содержание внешнего мира согласуется с внутренним миром личности, образуя единство; будучи фактами существования, они одновременно являются смысловыми фракталами существа личности. Случай может разрушить целостность нашего Я, сдвинуть существование Я с пути, соответствующего задаче его самораскрытия, но и в этом случае он тоже будет судьбоносным событием.

Подобно тому, что познать можно лишь то, что соответствует матрице гносеологических стандартов и возможностей индивида. так и судьбою может стать только то, что уже как-то соотносится с существом личности. Мысль о том, что судьба определяет жизнь индивида, может быть принята лишь в том смысле, что индивид способен принимать случающееся как значимое или нет, сопротивляться, подчиняться или не придавать значения. То есть событие станет судьбоносным, если самим индивидом ему будет придано значение судьбоносного. Г. Зиммель приводит убедительный тому пример, говоря, что убийство отца и женитьба убийцы на матери для любого стали бы чрезвычайными событиями, но лишь для Гамлета это стало судьбой, так затронуло не только его существование, но самое существо личности [5, с. 167]. Судьба не исчерпывается ретроспективным осмыслением спонтанного существования. Она включена в саму сущность личности, разворачивается из ее сердцевины.

У животного не может быть судьбы, так как отсутствует личность, свободное целеполагание, выбор, сознательное самоконструирование. Хотя, впрочем, и существование человека необязательно отмечено знаком судьбы. Зиммель указывает, что человек может быть и «ниже судьбы» и «выше судьбы» [5, с.168]. В первом случае его существование является простым проживанием

случающихся событий, без волевых порывов, собственных интенций, сопротивления, преодоления; человек пассивно подчиняется потоку, в который включен волей обстоятельств, подобно вещи среди вещей. Во втором случае человек, напротив, обладает настолько мощной волей и чувством внутренней свободы, что собственные планы, цели возвышают его над любыми условиями среды, они – единственное, что по-настоящему имеет смысл.

Таким образом, целостность судьбы своим необходимым условием имеет не логическую постобработку-интерпретацию с отсечением «лишнего», толкованием и связыванием фрагментов существования, а целостность личности.

Целостность индивида как точки сборки судьбы.

В процессе существования человек меняется, многократно становясь «совершенно другим», проходит через огромное количество событий. совершает разнообразные поступки, планирует, корректирует планы, сопротивляется или подчиняется обстоятельствам, с ним происходит многое, в том числе и то, что «ломает жизнь», то, что «никто не ожидал». Следует ли его существование по уже намеченным вехам черногого наброска, расцветивая канву деталями, или все творится «с чистого листа»? Если верно последнее, то откуда берется смутное ощущение, что твоя жизнь – тотальное «не то», даже если вполне отвечает социальным стандартам или напротив, что ты наконец выбираешься на свою дорогу, что то, что происходит с тобой – «твое»?

М.К. Мамардашвили писал о «долготе» человеческого существа, которую можно связать и с существованием, и с судьбой, и с временем, и с существом личности: «Человек – «долгое» существо; он выковывает себя во времени» [12]. Сам процесс отливания существования в судьбу, становления собой в процессе существования – сложный, долгий и негарантированный. Никто не является «готовым» изначально. Но стать собой – не значит просто оглядеть себя ставшего и посмотреть, «что получилось» к концу жизни: окончательность «ставшести» всегда под вопросом. Становление требует активных усилий по самоконструированию, мучительному вслушиванию в себя, разрушению среды комфорта в процессе роста. И нет никакого налаженного универсального механизма самоосуществления, никаких гарантий, что место, которое ты покидаешь, не было единственно твоим, или, напротив, что образец, ориентир, которому ты следуешь, не ломает свою личность, что твое доверие к внешнему не обернется слепотой и глухотой по отношению к внутреннему, к самому себе.

Если бы не было в вариантах разворачивающегося существования инвариантного ядра, принимающего или отвергающего внешнее, человек не мог бы быть «чем-то». И так же, как личность его является точкой сборки разнообразных, но не абсолютно любых качеств, так и его жизнь в своей целостности – средоточием многих и разных, но не бесконечно многих, и не бесконечно разных событий. В основе целостности личности и целостности его жизни лежит некий порождающий эту целостность принцип, который задает направление вектору развития индивида, устанавливает пределы и логику изменений. В. Хёсле предложил удачный, на наш взгляд, термин, обозначающий этот принцип – «монадическая энтелехия» [10, с. 27] (монада – понятие, обозначающее конститутивный элемент бытия. от греч. «μόνος» – единица, один; энтелехия

(ἐντελέχεια) – осуществленная цель, воплощение того, что заложено).

При том, что судьба не имеет характера директивного предписания, до начала существования сложившегося сценария, существование также не является абсолютно произвольным, абсолютно спонтанным.

Каковы же пределы свободы существования?

Пределы возможностей существования. Долгота человека, о которой писал М.К. Мамардашвили, состоит еще и в том, что он всегда больше своего наличного. Наше назначение больше, чем отпущенная нам физически жизнь, говорит Мамардашвили [7]. И судьба, которая есть не только сумма прожитого, а еще и назначение, может не совпадать, а точнее, не может совпадать с существованием. Существование динамично, судьба статична. Существование есть наше наличное, судьба же – не только наличное, но и возможное, и должное, а границы наличного и границы возможного различаются не только топологически, то есть пролегают в разных местах, но и сущностно. «Человек не скорое существо ... оно распластано на большие пространства и времена и распластано помимо границ, которые нас отделяют от других существ», пишет Мамардашвили [7].

Две стороны у этой долготы.

Прежде всего, способность и желание человека трансцендировать за границы своего, его ностальгия по иному действительно делают его естественные границы условными. Он продлевается в будущее в памяти, в творчестве; он продлевается в прошлое в усвоении и переживании других эпох, других культур; продлевается за пределы личной истории за счет опыта Другого. Будучи ограниченным пространством и временем, он оказывается способным как будто увеличить размерности своего «здесь и сейчас» путешествуя, изучая языки, занимаясь ремеслом.

Бесспорно, что человек больше своего наличного, и, включая потенциальное в свое актуальное, он действительно прорастает в своем Я за границы имманентного, позволяет ему трансформироваться, усложняться. Но вместе с тем эта долгота, данная в возможности, создает иллюзию отсутствия границ – границ естественного существования. А это качественно меняет и стратегию, и тактику существования, его повседневного течения, а значит, и его результаты.

Во-первых, человек может строить планы, не измеряя желаемое с возможным, не беря в расчет, что силы не бесконечны, что эмоции не всегда можно и нужно взять под контроль, что в планы могут вмешаться внешние обстоятельства. Привыкнув ориентироваться на линию горизонта, все время отодвигающегося, он не успевает пережить проживаемое, подчиняя спонтанную повседневность рационально выстроенному проекту.

Во-вторых, ощущение отсутствия границ существования приводит к иллюзии бесконечности времени, его несоразмерности повседневности, как практически бесконечного ресурса – ничтожности сиюминутных дел. Следствием этого является, прежде всего, феномен скуки (странный, если учесть реальную продолжительность жизни, количество вероятных впечатлений, событий, задач в пересчете на одну человеческую жизнь), а также убеждение в необходимости пауз, основательно подкрепленное премудростями здравого смысла: «не уверен – не обгоняй», «тише едешь – дальше будешь», «семь раз от-

мерь» и т.д. Человек медлит, принимая решения, откладывает перемены, скупится на авансы в отношениях, не спешит высказываться, задавать вопросы, разрывать исчерпавшие себя связи, признаваться в любви, просить прощения, менять работу, начинать новое дело. Смертный планирует и проживает жизнь так, как будто обладает личным бессмертием. В результате существование протекает как один день, растянутый до размеров человеческой жизни инерцией, традицией, духовной ленью, боязнью перемен, безответственностью.

В-третьих, убеждение, что в любой момент можно «начать сначала», стать, кем не был, смочь больше, чем смог, приводит к неразборчивой всеядности и желанию ухватить как можно больше. Жизнь начинает напоминать бег по торговым рядам с единственным желанием как можно больше увидеть, ощутить, успеть испытать, вместить, которое – вне зависимости от нужды и возможности осмыслить, – становится целью. Человек традиционного общества не ставил задачу «успеть» – разве что «успеть поставить детей на ноги», чтобы жизнь продолжалась. Его задачей было достойно прожить жизнь, которая дана так же, как любому другому, и соответственно, должна отвечать стандартным требованиям. Циклическая жизнь традиционного общества была моделью бессмертия и потому не обязывала к ответственности за личную судьбу. Эта модель не годится для существа, осмыслившего свои пределы – временные, пространственные, гносеологические, физические – и пытающегося рационально распределить этот ресурс между обязательными моментами, должными составить его однократное существование, а значит, составить судьбу. Как определить адекватную человеческой сущности модель существования, как распорядиться своим невеликим естественным ресурсом так, чтобы осуществить из спектра возможного то, что позволит стать собой? Существование не должно превратиться ни в пассивный дрейф, ни в марафонский забег, который может оказаться не по силам. «Река, не знающая берегов, никогда не достигнет моря», – говорил индийский мыслитель Ошо. Добавим – и не будет рекой, как и не будет морем. Она не будет ничем.

Человек способен жить только в мире мер. Если он не находит их – он их создает. Безусловная спонтанность, безразмерность, безграничность невыносимы, непредставимы для него. Он ограничен или ограничивает себя сознательно не только в действиях, вариантах экзистенциальных маршрутов, но и целях, поскольку основой для целеполагания является свобода, а она не абсолютна. Абсолютная свобода – это не выбор возможностей (в этом случае возможности уже существуют, созданные или обусловленные средой, и соответственно, ограниченные внешними пределами). Свобода – это творение возможностей, проектов, прокладывание собственного единственного пути, абсолютное творчество «из себя», из собственного ядра, экспансия внутреннего содержания вовне.

С. Лем вкладывает в уста своего героя Криса Кельвина («Солярис») такое рассуждение: «Человек, вопреки видимости, не ставит перед собой целей. Их ему навязывает время, в котором он родился; он может служить или бунтовать против них, но объект служения или бунта дан извне. Чтобы испытать абсолютную свободу поисков цели, он должен был бы остаться один, а это невозможно, поскольку человек, не воспитанный среди людей, не может стать человеком. Этот... мой, это должно быть существо, не имеющее множественного числа» [6, с.181]. Крис

говорит о Боге – единственном, кто обладает подлинной свободой от границ и способен вынести эту свободу. Человек существует не иначе, как в границах: он осознает границы, опирается на границы, создает их, и сам, в конце концов, является границей – для Другого (другого человека) и для Иного (внечеловеческого). Граница препятствует его самоосуществлению, запирая в рамках наличного, и она же является условием самоосуществления, так как невозможно быть «чем-то» вне границ. Собственно, цель – тоже граница сама по себе и условие границ выбора действий по ее достижению (не говоря уже о том, что цель всегда обусловлена внешними обстоятельствами, по меньшей мере, ее постановка во многом детерминирована социально-культурным контекстом).

Выводы. Суммируя сказанное по поводу обоих подходов, следует заключить, что судьба все же есть не сумма прожитого, а его смысловая квинтэссенция, не утвержденный свыше готовый сценарий существования, а его вектор, стержень, ось. Она не может быть сведена ни к внешним обстоятельствам, тому, что «сваливается на голову», ни к исключительно внутренним содержаниям духовной жизни индивида. Судьба индивида – в специфической, единственной роли, месте и предназначении части в рамках Целого. А потому под судьбой не может пониматься ни бессильная покорность обстоятельствам, ни безграничный волюнтаризм «кузнеца своего счастья», так как в первом случае игнорируется значимость части, во втором – значимость целого. Задавая границы наличного и возможного в существовании индивида, она придает ему смысл и значимость единственного, формирует его «чтойность».

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/> (дата обращения: 17.02.2014.).
2. Борхес Х.-Л. Собр. соч. Т.2. Произв. 1942-1969. СПб.: Амфора, 2011. – 847 с.
3. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. – 640 с.
4. Денисова Т.Ю. Одиночество: метафизика и диалектика. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – С. 144.
5. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 392 с.
6. Лем С. Солярис. Непобедимый. Звездные дневники Ийона Тихого. М.: Правда, 1988. – 480 с.
7. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. Лекция 11. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5061/5072>
8. Пас О. Поэзия. Критика. Эротика / О. Пас. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 192 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
10. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX–XXI вв. М.: Алгоритм, 2007. – С. 16-25.
11. Фрост Р. Неизбранная дорога. СПб.: Кристалл, 2000. – 416с.
12. Эпельбуэн А. Мысль под запретом. Мераб Мамардашвили [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.mamardashvili.com/authobio_graphical/la_pensee_empechee.html

НАУЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ XXI ВЕКА

Исайчиков Виктор Фёдорович

Журнал «Просвещение», Москва, Россия

SCIENTIFIC PROSPECTS OF THE XXI CENTURY

Isaychikov Victor Fyodorovich, «Prosveshcheniye» magazine, Moscow, Russia

АННОТАЦИЯ

Цель работы – на основе прогноза развития общества в XXI веке и методологии материалистической диалектики дать прогноз развития науки в XXI веке. Показано, что основные цели и задачи частных наук в XXI веке будут определяться как логикой развития самих наук, так и задачами решения основной проблемы XXI века – перенаселения и несоответствия общественного характера производства частному способу присвоения. При этом исторически сложившаяся академически-бюрократическая классификация наук должна быть заменена на научно обоснованную.

Ключевые слова: прогноз развития науки; перенаселение; классификация наук.

ABSTRACT

The work purpose – on the basis of the forecast of development of society in the XXI century and methodology of materialistic dialectics to give the forecast of development of science in the XXI century. It is shown that main objectives and problems of partial sciences in the XXI century will be defined both logic of development of sciences, and tasks of the solution of the main problem of the XXI century – an overpopulation and discrepancy of public nature of production to a private way of assignment. Thus historically developed academic and bureaucratic classification of sciences has to be replaced with the scientifically reasonable.

Keywords: forecast of development of science; overpopulation; classification of sciences.

Прогнозы развития частных наук самым непосредственным образом связаны с перспективами развития общества и теми задачами, которые оно решает, а эти задачи, в свою очередь, зависят от перспектив развития внешнего мира. Прогноз – дело неблагодарное, особенно количественный. Например, в Программе РСДРП (1903г.) прогноз развития общества дан преимущественно качественный, а в Программе КПСС (1961г.) – и качественный и количественный. Ошибочность прогноза Программы КПСС в количественном отношении стала явной через несколько лет после его принятия; в качественном отношении – в 1991 году, а вот более общий прогноз Программы РСДРП (даже при некоторых ошибочных и устаревших моментах) в целом сбывается. Если взять другой случай, то, например, тридцатилетний качественно-количественный прогноз в 1970 (в отличие от партийных программ, минимально политизированный), также не сбывлся по многим направлениям, причём наибольшие расхождения касались именно его политизированной части. Так, предполагалось, что человек в 2000 году будет работать всего 1000 часов в год [1, с.22], при этом потолок пенсионного возраста будет снижен [1, с.18]. Такой же оптимизм в 1970 г. был и насчёт решения некоторых технических проблем, например, предполагалось, что самолёты на тысячу пассажиров будут летать со скоростью, в 10 раз превышающей скорость звука; грузоподъемность судов достигнет 1 млн. тонн; АЭС будут строиться непосредственно в городах, и будут построены первые опытные термоядерные энергоустановки; антибиотики и вакцины будут созданы против всех бактериальных и вирусных заболеваний [1]. Забегая вперёд, часть этих прогнозов мы передвинем в XXI век, а вот от части прогнозов 1970 года, по-видимому, откажемся.

Если говорить о самых дальних перспективах развития человечества, то, исходя из современных космогонических представлений, их нет, потому что при любом рассматриваемом космогоническом варианте, произойдёт либо «раздутие» Вселенной с её охлаждением и исчерпанием доступных запасов энергии, либо после расширения Вселенной наступит этап её сжатия и «схлопывание» в

одно супергорячее ядро из кварков или других субэлементарных «частиц» [2]; сохранение каких-либо организованных структур (тем более – биологической жизни) представляется невозможным.

Однако ни один из этих космогонических вариантов не произойдёт в XXI веке, как не предвидится, например, и более локальной, но также губительной для человечества катастрофы – раздувания Солнца до орбиты Марса. Хотя гарантировать, что в XXI веке не произойдёт других катаклизмов планетарного масштаба, которые сотрут на Земле человечество, вряд ли кто возьмётся, но отрицать возможность серьёзных климатических изменений, в том числе вызванных деятельностью человечества, тоже вряд ли возможно. Уже сейчас учёные предсказывают тяжёлые последствия, в первую очередь, от «парникового» эффекта, вызванного неразумной деятельностью людей; например, падение урожайности [3]. Но сам масштаб влияния человеческой деятельности на экосистему Земли непосредственно зависит и от численности населения, и от потребляемой человечеством энергией и других ресурсов – и соответственно, от вредного воздействия отходов этой деятельности. Вопрос о грядущем демографическом кризисе и о методах его предотвращения начал обсуждаться на заре нового времени, и в массовом сознании связан с именем епископа Мальтуса. Как бы и кто бы ни критиковал конкретные расчёты и предлагаемые методы (большей частью – справедливо), но сам подход к тому, что численность населения на Земле не должна выходить за границы определенного оптимума, могут критиковать только безнадежно больные оптимисты. Среди же серьёзных учёных и политиков вопрос обсуждается достаточно конкретно: какова величина этого оптимума, и какими путями его можно достичь. Если насчёт низшей границы допустимой численности человечества больших расхождений нет, она определяется генетической устойчивостью популяции и составляет от 10 до 40 тыс. человек, то верхняя граница оптимума варьируется в больших пределах (от 40 млн. до 1,5-2,5 млрд. человек). При этом сказать, что верхние границы рассчитываются по обоснованной методике не приходится; например, в статье Т.Флинна максимум в 2,5

млрд. человек взят из предположения, что численность населения Земли в 1950-х годах являлась оптимальной.

Но когда дело доходит до второй части решения – «Каким образом достичь этого оптимума?» – учёные-гуманисты могут предложить только один способ – плановое регулирование рождаемости [4,5]. Но не все учёные – гуманисты. И те способы, которые предлагал учёный епископ Мальтус – войны, эпидемии, и те способы, которые на практике применяли империалисты для решения частных вопросов регулирования численности населения – геноцид, в том числе с использованием газовых камер, никто не отменял; наоборот, техника уничтожения людей за эти годы только совершенствовалась (в первую очередь – современным оружием) и не отвергаются учёными лакеями империализма, которые полагают, что «Раз население вышло из под контроля, оно требует авторитарного правительства, даже фашизма, чтобы сократить его» [5, с.12].

Поэтому самой главной научной задачей XXI века является определение оптимума численности населения на Земле и методов его гуманного достижения, которые потребуют планомерных действий в масштабах всего человечества и приоритета общественных потребностей перед частнособственническими интересами.

Непосредственно с решением главной задачи связано и решение других научных задач XXI века, например, задач обеспечения энергией. Если численность населения Земли будет на уровне, при котором для удовлетворения его нужд в энергии будет достаточно возобновляемых источников энергии, то после достижения оптимальных конструкций и методик получения этой энергии, задачи развития атомной и термоядерной энергетики будут определяться решением особых задач, например, в космосе.

Прогноз развития производительных сил, данный К.Марксом для коммунистического общества – производство автоматов автоматами, так что человек выводится из непосредственного процесса производства и его роль сводится к контролю и целеполаганию, относится только к производству предметов потребления, ограниченному разумными человеческими потребностями. При определённом оптимуме численности населения и достижении оптимума потребления вполне логично предположить, что дальнейшее развитие этих производительных сил не потребует значительных научных исследований. Но предположить, что на этом уровне и этапе развитие человечества остановится: «Остановись мгновенье, ты прекрасно!» мы не можем. Человек – существо творческое, а творчество (художественное и научное) – процесс, который сейчас нам видится практически бесконечным, и он потребует развития и науки, и техники.

Рассмотрим подробнее прогноз развития науки (наук) в XXI веке. Во-первых, неоспоримо, что наряду с процессами дальнейшей специализации и дробления единой науки на частные, начавшийся ещё в древности, совершенно ясным становится и обратный процесс – слияния частных наук. При этом следует отметить, что академически-бюрократическая систематика наук на 24 группы наук, в частности, в рамках данной конференции, не имеет научного обоснования. Например, в комплексе биологических наук совершенно необоснованно разделение на «медицинские науки», «ветеринарные науки» и «фармацевтические науки» – цели, задачи и методы медицины и ветеринарии отличаются только объектами исследования; а фармацевтика в части технологии относится к химии, а

в части применения – либо медицина, либо ветеринария. Архитектура – это искусство, опирающееся на строительную механику, эргономику и ряд других вспомогательных дисциплин. К искусству следует отнести и так называемые «военные науки», ибо в способах уничтожения человека нет ничего научного; отвратительная игра «кто больше убьёт» опирается либо на технические науки, либо на психологию (как и всякая игра). Вряд ли можно отнести к наукам и педагогику – использование в педагогике психологии и физиологии не делает искусство воспитания наукой. Никаких научных оснований для выделения юридических и политических наук в особые классы не существует; юриспруденция и политболология – это частные дисциплины в комплексе исторических наук. С другой стороны, объединение в один комплекс «физико-математических наук» действительной науки физики и одного из вспомогательных методов любых наук – математики, имеющей дело с условными абстракциями, а не с реальной действительностью, ничем не обосновано [6]. Бюрократическая классификация наук ничуть не лучше шутивого разделения наук, сделанного Резерфордом, который делил все науки на физику и коллекционирование марок. Это метафизическое разделение естественным образом противоположно диалектическому делению наук, сделанное Марксом, который предполагал, что все науки о развитии материи – это единая наука об истории: человечества, жизни, планет и звёзд, и, как мы сейчас догадываемся – и атомов, «элементарных» и «субэлементарных» частиц. Однако с позиций той же диалектики, поскольку различные формы движения материи не сводятся друг к другу и описываются разными законами, то каждая из этих форм движения материи заслуживала бы своей науки. Однако эта логически верная классификация не только сделала бы необходимой иную структуру наук, но и сделала бы эти науки весьма различными по своим сферам действия: если развитие нескольких «элементарных» и «субэлементарных» частиц (волн) завершилось за первые миллионные доли секунды «большого взрыва», а второй этап из развития (если он будет), также затронет миллионные доли секунды на этапе «схлопывания», то развитие человечества имеет свою недолгую в космических масштабах историю, и охватывает уже не миллионы, а миллиарды субъектов. Каким образом и когда история человечества будет завершена, пока никто не сможет предсказать.

Поскольку научно обоснованная классификация наук до сих пор не принята, то логично предположить, что в XXI веке разработка такой классификации не только необходима, но и возможна. Но определён, что эта задача, которой будут противодействовать все бюрократические академические и университетские структуры, с одной стороны, не самая важная для человечества, а с другой стороны, её возможно осуществить только в случае, если при разработке новой классификации будут использованы достижения диалектики и поднятия уровня сознания учёных от эклектической смеси обыденного и мозаично-диалектического до цельного научного сознания [7].

Если же обратиться к перспективам развития наук в их нынешней метафизической классификации, то можно предположить, что в течение XXI века будет решена основная космогоническая проблема – на основе уточнённого определения массы Вселенной будет решён вопрос о

реальном механизме её динамики - то есть, будет ли у Вселенной этап гравитационного сжатия (и «большого схлопывания»), или расширение Вселенной будет продолжаться бесконечно по одному из гипотетических ныне механизмов. В значительной мере связан с этим космогоническим вопросом вопрос о «великом объединении» физических взаимодействий, который физики пытаются решить уже более полувека. Было бы полезным для физиков разобраться и с другими нерешёнными вопросами, например, о связи механики и термодинамики, и «сшивки» квантовой механики и макрофизики [6]. Кроме того, основания «квантово-волновой механики» (постулаты Бора) до сих пор не доказаны. Кстати, нерешённость вопросов по связи различных отделов физики может указывать как раз на то, что между ними стоят качественные разрывы на границах различных форм движения материи, и эти отделы физики на самом деле имеют больше оснований считаться различными науками, чем, например, отличия сельскохозяйственных наук, ветеринарии, медицины друг от друга.

Для биологического сектора наук в XXI веке наиболее важным было бы создание комплекса лекарств и методик для лечения основных болезней. При этом вполне предвидимым в XXI веке будет завершение исследований на основе генетических методов истории развития жизни, её классов, родов и видов. Если же при этом удастся сделать важные шаги на пути моделирования возникновения жизни, то это бы позволило в значительной мере решить основные вопросы по изучению биологической формы движения материи.

В любом случае для технических наук было бы полезно овладеть методами эффективного использования термоядерной энергии (энергии синтеза атомов), которая может быть важной не только для решения проблем с энергообеспечением на Земле, но и важна для решения космических проблем.

Среди основных задач в экономической науке – это изгнание из научных рядов лженауки «экономикс», которая после возвращения ей исторического родового названия «хрематистики» должна попасть в разряд неблагородных искусств – в искусство наживания денег. А среди задач, которые должна решить политическая экономия, во-первых, решить те задачи, которые перед ней ставил ещё Маркс (но не успел решить); а, во-вторых, решить задачи связи политической экономии с энергетическим критерием, который во времена Маркса поставил Подолинский, но не смог решить [8]. Задачами геолого-минералогических наук в XXI веке, наряду с решением уже поставленных задач по строению и динамике коры и подкорковых структур – распространить её методы на другие планеты, превратив геологию в одну из дисциплин планетологии. В химических науках следует решить самый сложный вопрос о том, является ли химия самостоятельной наукой, или она полностью поглощена физикой (в настоящее время ведутся споры по этому вопросу [9]), а также вопрос на стыке химии и биологии о механизмах зарождения жизни (о котором упоминалось ранее). В остальном химия

становится одной из технических наук, не имеющей самостоятельного мировоззренческого значения.

О задачах XXI века для некоторых других наук из академически-бюрократического списка проще умолчать по принципу: «Семь лет мак не родил, люди живы были» - или провести аналогию с математикой. В последних десятилетиях 19 века математик Давид Гильберт сформулировал 23 великие математические задачи, которые необходимо решить. Знает ли кто из учёных-нематематиков, не говоря уже о «людях с улицы», какие из этих задач за сто лет решены, какие нет, какие неточно сформулированы, а какая задача поставлена из неверных предпосылок [10]? В то же время автор полагает, что «люди с улицы» в числе открытий XX века назовут и атомную энергию, и авиацию, и космонавтику, и антибиотики, и расшифровку генома, и даже про виагру могут вспомнить, но вряд ли кто назовёт какую-нибудь проблему Гильберта. Разве что на улице случайно попадётся физик-теоретик, который вспомнит о второй теореме Гёделя, которая показала тщетность надежд Гильберта на полностью аксиоматическую теорию математики, и которая указывает на то, что и математика (по крайней мере, арифметика) не является полностью абстрактной наукой, а связана со свойствами пространства-времени. Но эта связь ещё недостаточно разработана математиками. Возможно, что они смогут сделать это в XXI веке.

Пусть не обижаются на автора психологи (и тем более культурологи), но он не ожидает в психологии и культурологии XXI века каких-либо потрясений или открытий, которые бы заметным образом повлияли на человечество.

Автор ещё раз утверждает, что именно решение проблемы перенаселения (при том, что это задача не столько научная, сколько экономическая и политическая) будет определять перспективы развития науки в XXI веке.

Список литературы

1. Байнхауэр Х., Шмакке Э. Мир в 2000 году – М, «Прогресс», 1973г., 240с.
2. Хокинг С. и др. Большое, малое и человеческий разум - СПб.: Амфора, ТИД «Амфора», 2013, 191с.
3. <http://mir24tv/news/Science/10978848/>
4. «Просвещение», 1, 2009.
5. «Просвещение», 1, 2011.
6. Губин В.Б. О физике, математике и методологии М.ПАИМС, 2003, 321с.
7. Исачиков В.Ф. Диалектика научного и обыденного сознания - доклад на международной конференции Центра научных публикаций «Формирование обывательского мышления: значение науки», Киев, 31.07.14 (в печати).
8. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии - в кн. «Подолинский Сергей Андреевич» - М, «Ноосфера», 1991.
9. Иванов М.Г. Как понимать квантовую механику М.-Ижевск; НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2012, с.21
10. <http://ru.wikipedia.org/> - «Проблемы Гильберта».

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ДЕФИЦИТА РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ¹

Лагунов Алексей Александрович

профессор, д-р филос. наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

TO A QUESTION ABOUT SOME OF THE IMPLICATIONS OF RELIGIOUS EDUCATION DEFICIT

Lagunov Alexey, Professor, Dr. of Philosophy, Professor of the North Caucasus, Federal University, Stavropol

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается конкретный пример одного из последствий отсутствия (или недостаточности) религиозного просвещения в России, приводящего к возможности создания и безбедного существования сектантских организаций, разрушающих основания общественной жизни.

ABSTRACT

The article deals with one specific example of the consequences of the lack of (or failure) of religious education in Russia, leading to the possibility of creating a comfortable existence and sectarian organizations destroying the base of social life.

Ключевые слова: предиктор, секта, «Академия ГРУ», «Концепция общественной безопасности» (КОБ), интеллектуальное мракобесие.

Keywords: predictor sect, «Academy of GRU», «The concept of public security» (BER), intellectual obscurantism.

Многие участники научных конференций различного уровня сталкивались с деятельными и непримиримыми в дискуссиях идеологически озабоченными людьми, рвущимися на трибуны и раздающими неплохо оформленные лощеные брошюры. Как правило, организаторы конференций были с ними знакомы и всяческими способами старались вежливо отгеснить их от мест потенциальных дискуссий. Поэтому, будучи лишены возможности быть в центре внимания, эти люди старательно тянули руки с тем, чтобы поучаствовать хотя бы в обсуждении той или иной проблемы с места. Причем для них было неважно, какого рода проблема, поскольку сводили они ее к одной и той же, близкой для них теме, проявляя при этом сектантское упорство и принципиальную алогичность. Участники конференций, повозмущавшись немного и наполнив урны блестящими брошюрами, расходились и, как правило, вскоре забывали о наделавших шума «научных сектантах». Но последние не расстраивались, они шли в народные массы, не настолько испорченные просвещением. И дошли до них, и нашли множество своих приверженцев. Так что настала пора и научному сообществу обратить на этих людей свое внимание, по крайней мере, в рамках сектоведческих дисциплин.

С вытеснением традиционных религий на периферию общественной жизни труженики этих дисциплин были лишены покоя. Сектантская практика преподносила им все новые и новые феномены, расширяя предметный базис и удобряя бескрайнее поле их деятельности, уже сложно обобщаемое теоретически, поскольку не только различного рода внутриконфессиональные ереси, разжигаемые харизматическими личностями, стали источником формирования сект. В дело вступила «тяжелая артиллерия» – интеллектуальное мракобесие, проявляющееся через эгоцентризм человека, не признающего тысячелетние достижения соборного разума и берущего на себя миссию личностного постижения метафизических проблем. Выделяя свое «я» из религиозной целостности, такой человек по определению становится сектантом, и особенная опасность состоит в том, что он считает, что сохраняет свою религиозность, пытаясь навязать другим деформирован-

ное эгоизмом миропонимание. Европа с интеллектуальным мракобесием познакомилась довольно давно, достаточно вспомнить иеговистов, строителей «башни» (в которую наверняка закладывалась продукция «вольных каменщиков») нового, лично-усовершенствованного, понимания Библии. Для России же это пока явление свежее, требующее тщательного и отдельного исследования. И смеем надеяться, что его началу могут поспособствовать две случайно сохранившиеся со времени одной из конференций, не выброшенные в урну и «завалившиеся в щель» брошюры так называемой Академии Управления – «Психологический аспект истории и перспектив нынешней глобальной цивилизации» и «Смута на Руси: зарождение, течение, преодоление...».

Казалось бы, резонен вопрос: зачем ворошить прошлое и копаться в глупостях, хотя и очень «интеллектуальных»? Причины для этого есть, и очень веские. Дело в том, что «звоночки» от новоявленных «академиков» среди студенчества раздаются все чаще и чаще. Молодые, неокрепшие, но тянущиеся к Истине умы, не удовлетворенные уже оккультным хламом, наводнившим наше общество в 90-е гг. прошлого века и еще засоряющим полки книжных магазинов, нередко подпадают под влияние «обаяния» «академиков-управленцев», называющих себя настоящими христианами и берущихся просто ответить на все глобальные смысложизненные вопросы с точки зрения «Достаточно общей теории управления» (ДОТУ), мы бы сказали – достаточно упрощенной теории, а простота, в том числе если речь идет о метафизических вопросах, по определению оставляющих место тайне – она, как известно, хуже воровства. Внушает почтение массив электронной аудио- и видеoinформации, щедро распространяемой через студенчество и через «заинтересованных» людей и вызывающей недоумение: а деньги-то откуда? Это первая причина, есть и другие.

Входим в Интернет, глобальный виртуальный мир, без которого уже непредставима и жизнь в мире реальном, открываем сайт «Академии глобального и регионального управления» (или просто и со вкусом – «Академия ГРУ»: <http://akademiya.ru>). (Одноименное силовое ведомство

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Религиозное образование в Северо-Кавказском федеральном округе: социологический анализ» при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-03-00287.

здесь совершенно не причем, во всяком случае, российское ведомство, об аналогичном иностранном ведомстве можно строить догадки.) Академия зарегистрирована в 2004 г., «имеет юридическое право на проведение занятий на курсах повышения квалификации управленцев различного уровня с выдачей соответствующих установленных законом свидетельств», может «вести научные и научно-исследовательские работы, аналитическую работу, осуществлять консультационные услуги, издательскую деятельность». Так кто же за всем этим стоит, кто главные «академики»? Вся идеологическая продукция «Академии» анонимная, подписана неким Внутренним Предиктором СССР, у которого есть и собственный сайт (<http://media-mera.ru/kob/vpsssr>), на котором «он» поясняет, что является «общественной инициативной группой», с 1987 г. занимающейся разработкой «Концепции общественной безопасности» (КОБ). А почему «СССР»? Тоже разъясняется: это «дань авторского коллектива специфике общественной жизни в СССР». Значит, мы имеем дело с коммунистами или правыми социалистами? Как бы ни так. К последним, как станет ясно позже, у «предикторов» свои счеты, хотя и симпатий персонально к Сталину (и Ивану Грозному) они не отрицают. Всех же остальных исторических деятелей России (Россионии, как они ее презрительно называют, скрывая методику этого словообразования) недолюбливают, вольно и страшно искажая российскую историю вообще.

Тем не менее, предикторы «ничтоже сумняшеся» не устают заявлять о своих публикациях как о «достоянии Русской культуры», и о себе как о радикальных реформаторах всего и вся. Им не нравится современная орфография, они вносят в нее свои коррективы: «Ныне действующая орфография, подыгрывая шепелявости обыденной изустной речи, предписывает перед шипящими и глухими согласными в приставках “без-”, “воз-”, “из-”, “раз-” звонкую “з” менять на глухую “с”, в результате чего названные “морфемы” в составе слова утрачивают смысл. Поскольку нам не нравится бессмысленная орфография, то мы начали в своих работах переход от нее к орфографии, выражающей смысл. Начали, и тут же закончили, поскольку уже в работе 2008 г. “Смута на Руси: зарождение, течение, преодоление...” в которой повторяются целые страницы из цитируемой брошюры, они о своем новаторстве забывают, не применяя его даже при повторах прежних текстов – А. Л.) По этим же причинам лучше писать “подыгрываая”, “предъистория”, “предъидущий”...

Кроме того, в ряде случаев в длинных предложениях, в наших работах могут встречаться знаки препинания, постановка которых не предусмотрена ныне действующей грамматикой, но которые лучше поставить в текст, поскольку их назначение – разграничивать разные смысловые единицы в составе длинных фраз, что должно упрощать их восприятие» [3, с. 5]. Замечательная подстраховка, тем более что грамматических погрешностей в обеих анализируемых брошюрах предостаточно.

Интересно отношение предикторов к этимологии некоторых слов, вернее, их пренебрежение всякой этимологией, стремление рассматривать простые слова как многосоставные, или даже как аббревиатуры, а отсюда вывести их семантику. Так, например, вызывает удивление следующее фантазирование: «В русском языке слово “СВОБОДА” – аббревиатура: СОВестью ВОДительство БОгом ДАнное» [4, с. 65]. Как говорится, без коммента-

риев. (Филологам об этом рассказывать не будем во избежание нервных расстройств.) Или же менее яркое, но достаточно амбициозно-безграмотное этимологическое изыскание: «упра-*воле*-ние» [4, с. 119]. И эта ошибка особенно досадна для неоязычников, в качестве каковых, как увидим далее, позиционируют себя предикторы. А как же славянские Правь, Явь и Навь? Однако что там грамматика и этимология, для предикторов это – не масштаб. Реформировать, так реформировать! Они берутся за исправление (вернее, изправление): экономической науки и социологии в целом (которые «не позволяют обеспечить благосостояние в преемственности поколений»), медицины («устраняет симптомы, но не лечит болезни»), педагогики («из нормального... ребенка за 8 – 11 лет делает зомби»), инженерного дела («за 300 лет своего бурного развития породило глобальный экологический кризис»), психологии и психиатрии (их «”светила” за единичными исключениями... лицемерные циники»), теологии (богословы «не могут разобраться, что именно в верованиях человечества является отсебятиной людей»). «И т. д. и т. п.» [4, с. 163-164].

Предоставим оценку реформаторского порыва предикторов специалистам из соответствующих областей знания [1, с. 93], сами же попробуем разобраться в теологических хитросплетениях «академиков», которые они противопоставляют исторически сложившимся религиозным представлениям. Прежде всего попытаемся выяснить конфессиональные симпатии предикторов. Нисколько не терзая себя сомнениями и не затрудняясь поисками исторических аргументов, они заявляют о том, что «для человека нормально язычество в Единобожии» [3, с. 178]. Здесь, конечно, можно за них вспомнить о прамотеистической концепции возникновения религий, однако в соответствии с ее положениями изначально свойственное человеку смутное чувство Единого Бога не оформляется в религиозную систему, дифференцируясь в самое что ни на есть многобожие, политеизм, язычество. Еще более уместно в попытках хоть как-то оправдать ошарашивающее разум понятие предикторов («язычество в Единобожии») обратиться к исследованному этнологами феномену «спящего Бога», о котором вспоминает язычник, когда обращение к более доступным пантеонам и пандемониумам не увенчалось успехом. Тогда он корит себя за забвение первого и единого Бога и ждет от него милости, получив которую тут же о нем забывает. Однако такое поведение, свойственное ряду языческих общин, скорее подтверждает прамотеистическую концепцию, чем обосновывает противоречивое понятие язычества в Единобожии, вводимое в наш обиход предикторами из непризнанной научным сообществом «Академии». Выходит, языческий «спящий Бог» навсегда ими разбужен? Но тогда это уже не язычество, а теизм, поскольку первое есть «традиц. обозначение нетеистич. религий по их противоположности к теизму. В совр. науке чаще употребляют термин “политеизм” (“многобожие”))» [5, с. 1580]. Но такие «неувязочки» совсем не смущают наших реформаторов высокого полета.

Не может не вызвать изумления и тот факт, что и христианство (вернее, «истинное Христианство») апологеты «монистического политеизма» считают язычеством в Единобожии, искаженным Русской Православной Церковью [4, с. 210-211]! Отнюдь не сомневаясь в глаголемой ими «истине», сами предикторы называют себя христиа-

нами, при этом их «Христианство... совершенно отличается по смыслу от вырванного из общего исторического контекста поучения официальных церквей, продавшихся “кесарю”» [4, с. 134]. И еще как отличается! Справедлив вопрос: а имеет ли вообще их вера какое-либо отношение к христианской религии, даже учитывая многообразие «модификаций» последней? Ведь они отвергают фундамент христианства – Символ веры: «Символ веры РПЦ..., как, впрочем, и символ веры католицизма – отсбятина отцов-основателей Церкви... Символ веры – продукт политтехнологов первых веков» [4, с. 26]! И хотя предикторами многократно цитируется понравившаяся им фраза из Евангелия от Матфея («Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мат. 20, 25-28)), смысл ее они интерпретируют по-своему, явно путая функции государства и Церкви. Догмат о грехопадении при этом отрицается, и Царство Божие предлагается строить на земле. «Академики» даже идут на явную неаргументированную подтасовку исторических фактов, утверждая, что понятие «Царства Небесного» появилось в Библии в результате текстового подлога: «В каноническом библейском тексте “Царство Небесное”, а не “Божие”: заправили библейского проекта порабощения всех подменили одно другим, чтобы утвердить свою власть на всей Земле, запрограммировав психику паствы на отказ от осуществления Царствия Божиего на Земле» [3, с. 114]! Эта приземленность, подчинение горнего дольнему, наводит на невеселые мысли об эгоцентризме, о социальных теориях единолично решающих все проблемы умственных «гениев», об общественном утопизме и заставляет вспомнить актуального во все времена Ф. М. Достоевского и его бессмертного героя Разумихина: «Я тебе книжки ихние покажу: все у них потому, что “среда заела”, – и ничего больше! Любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными. Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагаются! У них не человечество, развившись историческим, *живым* путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути! Оттого-то они так инстинктивно и не любят историю: “безобразия одни в ней да глупости” – и все одною только глупостью объясняется! Оттого так и не любят *живого* процесса жизни: не надо *живой души*! Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна!» [6, с. 196-197]. Историю, действительно, предикторы не любят инстинктивно, поспешая заменить факты своими идеологическими штампами и перекроить события на свои «вкус и цвет». Ведь только они «прозрели», что понятия «исторически» и «кармически» тождественны. Что «Змеюка, пожирающая свой хвост, – один из главных символов масонства», которое они сильно не уважают, а не символ вечности [3,

с. 105]. Что следует «говорить о Русском духе как об определенном *культурно обусловленном и поддерживающем воспроизводство культуры* эгрегоре». Что РПЦ в своей массовой пропаганде скрывает наличие письменности у славян-язычников до Кирилла и Мефодия [4, с. 114]. Что даже Евангелисты – не «истинные» христиане, а проводники в жизнь политического проекта «библейской цивилизации» [4, с. 101]. Что Крещение Руси – не более чем внешняя идеологическая диверсия, агрессия и даже интервенция [4, с. 112]. Что Иисус учился у славянских язычников, которые показали ему «зачатки Царствия Божиего на Земле» [4, с. 121]. Перечень исторических, идеологических и религиозных «неблагоглупостей» предикторов можно продолжать и продолжать... При этом достаточно сложно выявить в их трудах, какие же именно исторические феномены, помимо славянского язычества, служили на пользу человечеству. Чувствуются явные симпатии к «сильным рукам» Ивана Грозного и Иосифа Сталина, видимо, предикторам не терпится продолжить их «благое» дело, и собственные руки почесываются, может, даже зудят нестерпимо. Восхваляется методология марксизма: «...благодаря тому, что марксизм нес в себе методологическую составляющую, те, кто освоил эту составляющую, оказались в СССР в области такой духовной свободы и такой свободы интеллекта и творчества, какой просто быть не могло под властью византийского вероучения» [4, с. 208]. Однако при этом нет никакой конкретики и не высказывается сочувствия коммунистическим партиям, как современным, так и исторически воплощавшим в жизнь марксистскую методологию. Совершенно убого с философской точки зрения предикторы выделяют два типа философии: «цитатно-догматический», основывающийся на поиске авторитетных мнений по поводу возникшего вопроса, и «методологический», заключающийся в самостоятельном поиске, и именно к последнему типу причисляется марксизм.

Философское невежество предикторов, так же как невежества религиозное и историческое, вызывает изумление. (Видимо, они интуитивно следуют методике О. Конта в части «гигиены ума» и принципиально не читают философских, исторических и богословских книжек, полагаясь на собственные «прозрения», а в лучшем случае привлекая исследовательский материал из сомнительных источников – Интернета и развалов около-научно-популярной литературы.) Чего стоит, к примеру, предикторская типологизация атеизма: материалистический атеизм и идеалистический! Насчет первого сомнений не возникает, действительно, атеизм как голое отрицание не является мировоззрением и предполагает последующее содержательное насыщение материалистическими представлениями, по сути метафизическими, и веру в особенного идола-божка – в саморазвивающуюся Материю [2, с. 22]. Но вот идеалистический атеизм – это уже смело и кардинально. Только не надейтесь найти у предикторов его определение и философское обоснование. Читаем: «Идеалистический атеизм... как бы опровергает» атеизм материалистический, «заявляя: “Бог есть! мы научим вас вере и богоугодной жизни”, – после чего громоздит столько злобных и вздорных мнений о Боге и Его Промысле, что общества, если не гибнут под властью таких вероучений и вероучителей, то шарахаются в материалистический атеизм, который прямо говорит, что таких богов – нет» [4, с. 198]. Снова – без комментариев. Но совсем не комментировать, обойти стороной новых сектантов нельзя. Они

очень активны, «обучая» и развращая нашу молодежь. Да и не только молодежь. Так случилось, что огромные пласты нашего общества, множество людей различного возраста оказались лишены религиозных и духовно-нравственных традиций, и идеологические «лакуны» их самосознания спешат заполнить, а скорее – заполнить поборники сомнительных идей, по-видимому, старательно финансируемые «заинтересованными лицами». Идеологического врага стоит знать в лицо, даже если оно «нелицеприятно».

Список литературы:

1. Бакланов И. С. Социум и функции знания // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2005. № 3. С. 93-98.

2. Лагунов А. А. Русская религиозная философия: божественное и человеческое: монография. – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2007.
3. Психологический аспект истории и перспектив нынешней глобальной цивилизации. – М.: Общественная инициатива, 2005.
4. Смута на Руси: зарождение, течение, преодоление... – М.: Академия Управления, 2008.
5. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987.
6. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // ПСС. Т. 6. – Ленинград: Наука, 1973.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Левицкая Александра Александровна

Аспирантка 3 года обучения, преподаватель кафедры социальной философии, религиоведения и теологии Российского социального государственного университета, Москва

MODERN CONTRADICTIONS IN REALIZATION OF RELIGIOUS EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA

Levitskaya Aleksandra Aleksandrovna, teacher of social philosophy, religious studies and theology chair of the Russian social state university, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье определяются три основные группы противоречий: между государством и религиозными организациями; между религиозными организациями и обществом; между государством, обществом, религиозными организациями и личностью. Они затрагивают социальную, правовую, идеологическую, культурную и духовную сферы жизни общества, поэтому объединяют в себе противоречия, относящиеся к одной из сфер, которая находится на стыке двух или нескольких сторон вопроса. Данные противоречия порождают проблемы, неизбежно возникающие в условиях модернизации. Проблемы здесь выступают в качестве ключевых спорных моментов, которые помогают возводить общественную систему на новый уровень.

SUMMARY

In article three main groups of contradictions are defined: between the state and the religious organizations; between the religious organizations and society; between the state, society, the religious organizations and the personality. They mention social, legal, ideological, cultural and spiritual spheres of society life therefore unite in itself the contradictions relating to one of spheres which is on a joint of two or several parties of a question. These contradictions generate the problems which are inevitably arising in the conditions of modernization. Problems here act as key disputed issues which help to build public system to new level.

Ключевые слова: религия; образования; религиозное образования; современное общество; противоречия; образование и воспитание; государство; общество; религиозные организации; социальная сфера; культура; личность.

Keywords: religion; educations; religious educations; modern society; contradictions; education and education; state; society; religious organizations; social sphere; culture; personality.

В современной системе российского образования существует ряд проблем, которые вызваны объективными противоречиями. Данные противоречия существовали всегда, их нельзя полностью разрешить, но можно сгладить последствия их столкновений и уйти от наиболее негативных проявлений. Противоречия, свойственные для развития религиозного образования в современном российском обществе, можно разделить на три группы:

1. Противоречия между государством и религиозными организациями;
2. Противоречия между религиозными организациями и обществом;
3. Противоречия между государством, обществом, религиозными организациями и личностью.

Первая группа противоречий затрагивает идеологическую, правовую и социальную сферу. Основными процессами, раскрывающими данные противоречия, здесь являются следующие:

1. Развитие противоположных по существу явлений, свойственных секуляризации и сакрализации;
2. Столкновение интересов и выбора приоритетов государства и приоритетов религиозных организаций;

Секуляризация предполагает процесс снижения роли религии в жизни общества, и переход к светской модели общественного устройства на основе рациональных норм. Политика секуляризованного государства направлена на уменьшение влияния и роли религии. С другой

стороны, сакрализация отражает процесс распространения религиозного мировоззрения и мироощущения как в личном, так и в массовом сознании. Понятия секуляризация и сакрализация отражают историческую динамику взаимоотношений религиозных организаций и государства. Оба этих процесса сосуществуют как тенденции одновременно, изменяясь с течением времени по значимости, масштабности, специфике конкретных проявлений. В современном обществе происходит равное нарастание активности данных процессов: первого – за счет ограничения функций и области влияния религиозных организаций, и второго – через рост интереса к религии и появления большого количества нетрадиционных религий и культов.

В правовой сфере приоритеты государства и приоритеты религиозных организаций неизменно находятся в «противоборстве». И в условиях современного секулярного общества и наличия множества религиозных организаций и конфессий наряду с плюрализмом мнений, именно нормативно-правовые акты позволяют законодательно регулировать деятельность каждой из сторон и соотносить разные мировоззрения друг с другом.

В социальной сфере суть столкновения интересов государства и религиозных организаций состоит в том, что государство стремится быть независимым от влияния религиозных организаций, тогда как каждая религиозная организация хочет использовать государство как «универсальный рычаг», повышая свою значимость в глазах населения и поднимаясь выше над остальными религиозными организациями.

Конкретные проявления противоречий между государством и религиозными организациями наблюдаются в идеологической, правовой и социальной сферах, и каждая из сторон рассматривает именно сферу образования в качестве ключевой, способной через установление в ней приоритета, дать возможность занять одной из сторон лидирующее положение по всем трем направлениям.

Ко второй группе противоречий относятся противоречия между религиозными организациями и обществом. Они затрагивают социальную, культурную, духовную и нравственную сферы общества. В этой сфере выделяются следующие процессы и явления, которые отражают сущность указанных противоречий:

1. Взаимосвязь светского и религиозного в современной духовности;
2. Взаимовлияние и борьба светского и религиозного за приоритет в художественной культуре;
3. Выбор приоритетов между светскими и религиозными способами оказания помощи в реализации способностей человека;
4. Общественная дискуссия о главенствующей роли светского или религиозного в определении и регулировании моральных норм.

Понятие «духовность» подразумевает объединяющие начала для общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные не только в религиозных учениях, но и в других формах общественного сознания – в философии, науке, идеологии, праве, искусстве. Комплекс идей, составляющих содержание духовности, содержится в светском образе мысли, тогда как с точки зрения вероучений духовность может быть только религиозной. Несмотря на то, что духовность светская и духовность религиозная есть в достаточной мере самостоятельные понятия, они взаимосвязаны и не существуют

друг без друга. Так, например, проявлением светской духовности может стать обеспечение, организация и помощь проявлениям религиозной духовности, обрядам и культовым ценностям.

Культурная сфера подразумевает под собой художественное искусство, литературу, кинофильмы, предметы национального и мирового достояния. Здесь встает вопрос о преобладании в культуре религиозных ценностей искусства и литературы, или светских.

К социальной сфере относится противоречие между приоритетом светского и религиозного в оказании помощи в реализации способностей, возможностей и ресурсов человека, которые развиваются под воздействием внутренних и внешних факторов. В данном случае в качестве внешних факторов выступают религиозные или светские организации, группы, стремящиеся оказывать поддержку и помощь человеку. С точки зрения религиозных организаций – это миссионерская, духовная и психологическая помощь. С точки зрения общества происходит психологическая и физическая, социальная помощь, в некоторых случаях реабилитация.

В каждом обществе существуют моральные нормы – это взгляды, представления людей о добре и зле, чести, совести, долге, справедливости, а также принципы поведения, исходящие из такого рода взглядов. Моральные нормы могут быть зафиксированы в заповедях или других формах представлений о том, как человеку должно поступать. Поэтому в моральной сфере существует проблема. Её суть состоит в том, что обществу необходимо сделать выбор – какая из сторон будет иметь приоритет и определять и регулировать нравственные ценности – государство, религиозные организации или какой-то другой социальный институт? Вместе с определением приоритета в рассмотрении нравственных ценностей, наиболее остро осознается важность такого явления как толерантность. Сам термин «толерантность» является по своему происхождению светским, правовым и социологическим, тогда как все религиозные организации применяют такие понятия как «миролюбие», «терпение», «незлобие» и т.д.

Данные проблемы, как конкретные проявления противоречий между религиозными организациями и обществом, отражают желание социальных субъектов четко разделиться друг от друга, что не представляется возможным. Подтверждением этому служит вся общественная практика, в рамках которой особенно значимыми становятся действия по установлению приоритета в образовательной сфере.

Наконец, к третьей группе противоречий – между государством, обществом, религиозными организациями и личностью – относятся такие процессы и явления как:

1. Несовпадение требований государства, общества и религиозных организаций со стремлением личности к свободе.
2. Несовпадение способов воздействия на личность со стороны государства, общества и религиозных организаций с потребностями личности в помощи и поддержке.

Со стороны государства, общества, религиозных организаций в отношении личности установлены четкие рамки и требования, границы, которые человек должен соблюдать. Они проявляются во всех сферах жизни общества, в первую очередь в правовой, социальной, политической и духовной. Но человек всегда стремится к свободе выбора, к свободе в предпочтениях и реализации своих

стремлений. Чувствуя такие моральные границы, человек неизбежно старается их преодолеть, тем самым входя в конфликт с современной государственной, общественной и религиозной системой.

С другой стороны, выдвигая определенные требования и условия, государство, общество и религиозные организации считают, что этих рамок вполне достаточно для того, чтобы человек развивался и становился совершенной личностью. Сам же человек нуждается не только в постоянном слежении, внимании и поддержке, но и в ощущении собственной значимости, в «нужности» государству, обществу, своей религиозной организации.

Таким образом, были названы основные противоречия, относящиеся к трем группам. В современном российском обществе происходит обострение конкретных проявлений этих противоречий. Оно неизменно связано со следующими факторами: с глобализацией, которая ведет за собой повышение информационного потока с его одновременной стандартизацией; с плюрализмом мировоззрений; со стремительными миграционными процессами, резко увеличивающими неоднородность общества; со сменой идеала экономического развития, за которой следует смена способов государственного управления и парадигм; с ростом социальной напряженности; с демократизацией общественной жизни; с информатизацией процессов, понимаемой как неограниченное обновление и расширение знаний. Обострение противоречий также связано с повышением интереса к религии в обществе, что проявляется в таких явлениях:

1. В массовом сознании происходит замена национальной самоидентификации вероисповедным самоопределением;
2. Возрастает интерес к различным учениям и концепциям, в том числе и квазирелигиозного содержания;
3. Увеличивается количество организаций разнообразных вероучений – сект, культов, деноминаций.

И, конечно, важную роль в усилении противоречий играет крайне низкий уровень религиозных знаний, как приверженцев учений и верующих, так и людей, не придерживающихся определенной религии.

Все вышеназванные противоречия порождают определенные последствия в различных сферах общественной жизни, которые могут быть преодолены путем решения последовательных задач.

Во-первых, главной задачей, способствующей гармонизации современных взаимоотношений государства и религиозных организаций, следует назвать совершенствование законодательства, которое будет улучшать и выводить на новый уровень взаимодействия государство, религиозные организации и общество, отвечая основным интересам каждой из сторон.

Во-вторых, для выведения таких отношений на новый уровень, следует понимать, что каждая религия и каждая общественная организация, несмотря на их общее равенство перед законом, имеет свою собственную идею и особенное мировоззрение. Объединение интересов и действий всех членов общества невозможно только на основании одной идеи, даже если у неё большинство сторонников. Поэтому, необходимо говорить о создании единой государственной идеологии, которая служила бы основанием общественного согласия вне зависимости от религиозной или мировоззренческой принадлежности каждого человека.

В-третьих, проблемой становится возрастающее участие религиозных организаций и государства в образовании. Здесь следует сразу сообщить о наличии у данной проблемы нескольких сторон: задач образования, средств образования и способов преодоления данных разногласий. Задачи образования в данном аспекте различаются. У государства в роли задачи выступает помощь в формировании гуманистического мировоззрения у учащихся, воспитание патриотических чувств и навыков гражданского поведения. Государство в сфере образования не добивается выбора веры.

С точки зрения религиозной организации, задачей образовательного процесса становится именно формирование и выбор определенного мировоззрения, целенаправленное изучение определенного вероучения в связи с окончательным решением принадлежать к нему. В качестве средств религиозного образования, каждая религиозная организация предполагает использование государственной системы для обучения последователей и миссионерской деятельности. Государство же не может до конца согласиться с такими предложениями по ряду причин, поэтому идет на компромисс, но уже со всеми религиозными организациями, вырабатывая единую систему для удовлетворения интересов всех сторон.

В способах решения данных проблем не существует четкого ответа, ни со стороны государства, ни со стороны религиозных организаций. Каким образом должны быть организованы данные занятия – факультативно, обязательно? Откуда брать и какие предлагать учебники? Кто будет финансировать процесс обучения – государство, религиозные организации, или занятия будут проводиться без оплаты? Именно такие проблемы возникают при рассмотрении вопроса о вмешательстве в светский образовательный процесс религиозных организаций.

Для следующей группы противоречий, между религиозными организациями и обществом, свойственны проблемы, затрагивающие культурную, духовную и социальную сферу государства. Такие проблемы неизбежно возникают из-за наличия в обществе различных мировоззрений, демократизации общественной жизни и увеличения религиозной активности.

В первую очередь, здесь затрагиваются интересы светской и религиозной духовности, которые выражаются в конкретных проявлениях общественной жизни. В современной культуре существует огромное количество ценностей, достижений национального и мирового достояния, которые хранятся в различных музеях, частных коллекциях и галереях. Но с возрастанием роли религии в массовом сознании, с увеличением значимости традиционных религий в мире, многие ценности и произведения искусства передаются в религиозные организации в качестве реликвий или предметов культа. Предметы культуры становятся трудно- или вовсе недоступными, поскольку не каждый человек имеет возможность попасть в храмовые здания определенных религий, где знание, традиция и культ сакральны, поэтому не допускают «чужаков», людей, не исповедующих данную религию. Общество стремится к светскости, но нельзя забывать об уважении взглядов и верующих. Несмотря на то, что общество в целом, общественные организации и религиозные сообщества стремятся к сотрудничеству, между ними всегда будет существовать ряд принципиальных вещей, отказ от которых может повлечь за собой утрату «столпов» религии, организации, группы, в которых они не смогут сойтись. Эти

принципы не столько препятствуют совместной деятельности, сколько являются определяющими особенностями тех или иных организаций.

Следующие проблемы относятся к третьей группе противоречий, а именно к противоречиям между государством, обществом, религиозными организациями и личностью. Главным условием, вызывающим такие проблемы, является существование требований и рамок с одной стороны наряду с желанием свободы выбора и действия с другой стороны.

В условиях информатизации, неограниченности знаний и возможностей их поиска, крайне быстрого обновления и распространения данных, человек легко переступает поставленные рамки и выдвинутые требования. У каждого современного человека создается синкретический комплекс знаний, который может быть систематизирован. Существует огромное количество примеров, когда человек, говорящий о принадлежности к одной конфессии, например, к православию, крайне мало знает о нем. Зато количество знаний, накопленных им в отношении, например, иудаизма действительно впечатляет и поражает. Студенты одной специальности могут лишь в общем охарактеризовать ее назначение в современном обществе и, при этом, интересоваться вещами, не относящимися к конкретной специализации, а принадлежащими к совершенно другой области накопленных знаний.

Тем не менее, в связи с повышением интереса к религии и усилением ее роли в обществе, все больше людей с каждым годом начинает посещать храмы. Но увеличение количества верующих снижает качество общения между религиозным деятелем и отдельным человеком. На каждого человека сокращается количество времени, которое ему уделяется, что не может не отразиться на качестве духовного руководства и веры.

Изменяющееся и модернизирующееся общество предполагает такую же модернизацию в религиозных организациях. Она может проявляться в ритуальной стороне. Личность заинтересована в данных изменениях, поскольку сложно соответствовать традициям, подходящим для средневековья, в условиях постиндустриального общества. В таком случае, модификация традиций и их «подстраивание» под современность расцениваются как предоставление личности свободы и послабление, что положительно сказывается на отношении человека к религии. Конечно, религиозные организации могут расценивать видоизменение традиции как утерю столпа, но без таких изменений сложно соответствовать выдвигаемым обществом требованиям и удерживать своих последователей. Религиозные организации вынуждены расширять свои границы, уделяя внимание личным потребностям верующих или людей, относящих себя к данной конфессии. Сейчас в церкви можно увидеть женщин в брюках, несмотря на то, что официально это не одобряется. Или, проезжая церковь, человек может остановиться и зайти, но боится, поскольку он не в праздничной одежде и не подготовлен. Что же в таком случае следует делать? С точки зрения традиции, человек действительно должен готовиться перед посещением храма. Но ведь у него может уже не выпасть время, пропасть желание или он попросту забудет. С такой точки зрения, любое посещение следует одобрять, чтобы поощрять желание приходить.

Все это ставит вопрос: что есть модернизация в религии? Это соответствие и требование времени, или же потакание человеческим поступкам, проводимое для того,

чтобы не потерять «паству»? Поэтому, на современном этапе проводится поиск баланса между традицией и инновацией, который позволит соответствовать вызовам общества и не потерять устои и ценности.

Решение, которое поможет соблюсти баланс между всеми сторонами проблем, относится к образовательному процессу. Его роль состоит в просвещении и ознакомлении с религиозными традициями и обрядами с ранних лет, то есть должное поведение «как надо» будет воспитываться вместе с уважением к ценностям и толерантностью к различным мировоззрениям.

Но для личности религиозное образование не является способом решения проблем. В таком случае человек будет усматривать новые рамки и границы, препятствующие его свободе выбора, создающие новые противоречия между личностью и организациями, государством.

Чтобы не создавать новые противоречия и не усиливать уже существующие, необходимо создать разветвленную, многоуровневую и многообразную систему образования, которая будет проводиться на платной и бесплатной основе. Свобода выбора человека в таком случае будет проявляться во всех направлениях. В первую очередь, такая система религиозного образования будет доступной для всех возрастных категорий, будь то младшие классы или люди преклонного возраста. Религиозное образование может проводиться светскими или религиозными организациями, или с равным участием обеих сторон. Ни в коем случае нельзя проводить давление на человека, потому что, посредством навязанной формулировки мировоззрения личности, сама личность станет отвергать такие взгляды, останавливая свой выбор на противоположных не из-за собственного выбора, а в некоторой степени «назло».

Тем не менее, распространение религиозного образования вскрывает еще одну проблему – за счет увеличения числа учащихся увеличивается коллективная форма проведения занятий, что повлечет за собой стандартизацию и усреднение системы образования и воспитания. В каждом классе обучаются люди с разными взглядами и религиозной принадлежностью, у каждого ученика существует или еще формируется собственный взгляд на мир, который требует определенного подхода и индивидуального обсуждения. К сожалению, в условиях повсеместного распространения религиозного образования и увеличения числа учащихся, индивидуальный подход к каждому ученику не будет широко использоваться и отойдет на дальний план. На первый план выступит массовость и коллективность. Поэтому, несмотря на школьную систему религиозного образования и воспитания, оно должно быть подкреплено семейным обучением.

Список литературы:

1. Бессарабова И.С. Школа и религия в поликультурном образовании России и США. // *Фундаментальные исследования*. – 2008. – № 8 – С. 68-70
2. Лобазова О.Ф. Взаимодействие светского и религиозного компонентов культуры в гуманитарном образовании // *Наука и власть: проблемы коммуникаций. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 26.09.2008)*. – М.: Научный эксперт, 2009. – С.844-859.
3. Лобазова О.Ф. Противоречия и тенденции в развитии религиозности современного российского общества // *Вестник Московского государственного областного*

- университета. Серия «Философские науки». – М., 2009. – №2. – С.97-107.
4. Лобазова О.Ф. Социальное партнёрство в системе «общество – религиозные организации» // Россия: путь к социальному государству. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.) – М.: Научный эксперт, 2008. – С.819-825.
 5. Свистунов С.П. Постмодернизм: трансформация религиозно-мистического поля коммуникаций.// Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы научной конференции (Иванова, 11-12 февраля 2008 г.). И., ГОУ ВПО «Ивановский Государственный Университет», 2008. – С. 145-152.
 6. Чеснокова В. Воцерковленность. Феномен и способы изучения. // Десять лет социологических наблюдений. – М., 2003. – 260 с.
 7. Шелест О. А. Феномен религиозности в контексте секуляризационных проблем современности // Свеча-2005. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем. Т. 13 / Под ред. Е. И.Арипина. Владимир; М.: Изд-во Владимир, ун-та, 2005.

К ВОПРОСУ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ СОХРАНЕНИЯ ФИЛОСОФИИ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ ФИЛОСОФИИ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ В. С. СТЕПИНА

Макухин Пётр Геннадьевич

*Канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации»
Омского государственного технического университета, г. Омск*

АННОТАЦИЯ

Объектом статьи является философия в свете концепции культуры как сложноорганизованной системы надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения В. С. Стёпина, а предметом – роль философии как учебной дисциплины в системе высшего образования в связи с пониманием В. С. Стёпиным факторов динамики культуры. В результате осмысления последних делается вывод о том, что образование (понимаемое как усвоение сложившихся ценностей культуры и развитие у обучающихся способности к созданию новых) не может не содержать – в качестве необходимой составляющей – философию как рефлексию над основаниями культуры.

ABSTRACT

The object of this paper is a philosophy in light of the concept of culture as a complex structural system nadbiologicheskikh programs of human activity, behavior and communication VS Stepin, and the subject - the role of philosophy as a discipline in higher education due to the understanding of VS Stepin factors cultural dynamics. As a result, understanding the latter concludes that education (understood as the assimilation of existing cultural values and the development of students' ability to create new ones) can not contain – as a necessary component of – philosophy as a reflection on the bases of culture.

Ключевые слова: перспективы философии в образовании, социокод культуры, анализ существующих и порождение новых универсалий культуры (смысложизненных ориентаций), прогностическая функция философии, место философии в системе научного знания.

Keywords : perspective of philosophy of education, culture sociocode, analysis of existing and new generation of cultural universals (orientation of meaning), the predictive function of philosophy, the philosophy of the place in the system of scientific knowledge.

Анализируя как общественно-образовательные, так и собственно философские дискуссии двух с половиной последних десятилетий, посвящённые судьбе философии в высшем образовании России, можно выделить два представления о ней, ставящих под вопрос её сохранение в рамках образовательных программ специалистов и бакалавров всех направлений подготовки. Во-первых, это понимание философии как ненаучного типа мировоззрения, некоего личностного опыта, который невозможно передать, организуя преподавание философии по аналогии с другими дисциплинами. Одним из первых и радикальнейших представителей этого похода назовём М. К. Мамардашвили, который в статье «Как я понимаю философию» (1992 г.) выдвинул следующий тезис, который в различных вариациях воспроизводится и сегодня: «в области приобщения к философскому знанию мы имеем дело с фундаментальным просчетом ... Природа философии та-

кова, что невозможно (и, более того, должно быть запрещено) обязательное преподавание философии будущим химикам, физикам, инженерам в высших учебных заведениях. Ведь философия не представляет собой систему знаний, которую можно было бы передать другим и тем самым обучить их. Становление философского знания – это всегда внутренний акт» [1, с. 14], спонтанно вспыхивающий в момент «философской паузы» (паузы «причастности к какому-то первичному акту» [1, с. 15]) в потоке обычного сознания.

Другое ошибочное представление – понимание философии как лишь одной из дисциплин, исключительно гуманитарной, не обязательной в подготовке подавляющего большинства специалистов, что делает закономерным то обстоятельство, что сокращение количества учебных часов при переходе к бакалавриату (и в перспективе – к прикладному бакалавриату), при перманентном изме-

нении образовательных стандартов и т.д. во многом осуществляется за счёт сокращения объёма преподавания именно философии. Либо же второе – из названных нами в качестве ошибочных представлений – приводит к попыткам навязать философии как вузовской дисциплине чуждые её функции, инициативы чего чаще всего исходят от чиновников от образования и занимающих административные должности в образовательной системе представителей частных наук, однако иногда и от самих профессиональных философов. Например, в рамках организованного в журналом «Вопросы философии» «круглого стола» «Образование в конце XX века» (1992 г., т.е. мы рассматриваем одно из первых постсоветских мероприятий такого рода) кандидат философских наук В. Г. Царев (Институт повышения квалификации по общественным наукам МГУ), выделяя среди групп населения, которые необходимо образование, «людей корпорации» и «автономных индивидов», которые суть «предприниматели в исконном значении этого слова, люди предприимчивые» [2, с. 16], заключает, что «наша национальная школа – средняя и высшая – создана таким образом, по таким стандартам и колодам, что людей первопроходческих, предприимчивых она не готовит и не может готовить» [2, с. 16]. Причём «гуманитарная отрасль нашей школы наиболее далека от подготовки таких людей» [2, с. 16], и более того, именно «философия в рамках гуманитарного образования наиболее удалась от выполнения задачи помощи предприимчивым людям» [2, с. 16]. Связанная с системой образования причина этого видится В. Г. Цареву в «массовизации философии», т.е. «её распространении как специфической, надзирающей области гуманитарной культуры на всю сферу образования, в первую очередь высшего образования» [2, с. 16], в то время как философия «не может быть ключевой отраслью гуманитарной подготовки. Таковой видится сравнительное культуроведение» [2, с. 17]. Касательно последней мысли представляется уместным указать на слова В. А. Лекторского, которыми открылся другой «круглый стол» – «Философия в современной культуре: новые перспективы», организованный тем же журналом в 2004 г.: «мы собрались с вами для того, чтобы поговорить о месте философии в современной культуре, о том, сохраняется ли это место ... Поводы для такого обсуждения есть, и они весьма основательны. Что касается нашей страны, то, как вы хорошо знаете, в последние годы регулярно предпринимаются попытки отменить преподавание философии то студентам, то аспирантам. При этом делаются и предложения о том, чем философию заменить» [3, с. 3]. И далее В. А. Лекторский перечисляет эти предлагающиеся альтернативы: теология как способная, в отличие от философии, выработать единое и общепризнанное мировоззрение; конкретные науки как источник достоверного знания; и в т.ч. культурология, «хотя содержание и характер последней не очень ясны и самим авторам этой идеи» [3, с. 3]. Об этой опасности замены философии в системе образования говорили и другие участники этого «круглого стола», например, И. Т. Касавин: «идет ... умножение способов теоретического мышления вообще. Возникают другие способы. Недаром возникает проблема культурологии, науковедения, теологии как конкурентов философии» [3, с. 12].

Среди участников рассматриваемого мероприятия, обстоятельно обосновывающих невозможность реализации функций философии в системе образования какой-либо другой дисциплиной (или несколькими), особенно выделим Вячеслава Семёновича Стёпина, создателя той оригинальной и эвристичной концепции культуры, рассмотрение философии как таковой сквозь призму которой и является объектом нашей статьи. Предметом, соответственно, будет роль философии как учебной дисциплины в системе высшего образования в свете понимания В. С. Стёпиным динамики культуры. В связи с этим отметим следующий парадокс: с одной стороны, как указывает авторитетный учёный, доктор культурологии, действительный член РАО и член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ А. С. Запесоцкий, «теория культуры академика Степина является уникальным феноменом российской науки конца XX – начала XXI века. ... она поистине бесценна для современного понимания культуры и ведения фундаментальных и прикладных исследований, разработки и реализации культурной политики, культурных программ» [4, с. 4], и более того, без её знания «профессиональная подготовка гуманитария в принципе не может считаться достаточной» [4, с. 4]. То, что «что одной из доминирующих тенденций развития различных отраслей социально-гуманитарного знания во второй половине XX века стал культуроцентризм» [5, с. 10], согласно А. С. Запесоцкому, «вызвало к жизни потребность в создании некоей обобщающей теории, синтезирующей все, сделанное ранее многими поколениями философов и ученых. Именно эта научная задача – задача невероятного масштаба – и оказалась решена В. С. Стёпиным» [5, с. 10], концепция которого – «многомерная «картина культуры» в глубине и динамике ее исторического развития» [5, с. 10], характеризуемая А. С. Запесоцким в качестве «новаторской и исключительно перспективной» [5, с. 9]. Также здесь уместно отметить, что именно рассматриваемая концепция лежит в основе базовых статей «Философия» и «Культура» в «Новой философской энциклопедии» (2010 г.), подготовленной Институтом философии РАН и Национальным общественно-научным фондом, а также в ряде других «философских словарей», в т.ч. и выпущенных в республиках бывшего СССР, например, в Белоруссии [6].

Однако, с другой стороны, можно, к сожалению, согласиться с А. С. Запесоцким и в том, что «данная теория практически неизвестна студентам отечественных вузов и недостаточно знакома профессуре, включая многие из повсеместно существующих кафедр культурологии» [4, с. 4-5], добавив, что и вытекающее из этой теории понимание сущности философии и её места в образовании недостаточно используются в соответствующих отечественных дискуссиях. Рассмотрим специфику этого понимания подробнее. В общем виде культура определяется В. С. Стёпиным как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [7, с. 341].

В подводящей определённый итог его исследованиям работе «Цивилизация и культура» (2011 г.) В. С. Стёпин дополняет это указанием на следующее обстоятельство

ство: разрешение противоречий между множеством определений культуры заключается в том, что «в человеческой жизнедеятельности возникает особый небиологический способ кодирования социально значимой информации, необходимой для воспроизводства и целенаправленного изменения многообразных подсистем общественной жизни» [8, с. 42], т.е. он указывает на существование другой – помимо биологического генетического кода – «системы кодирования», а именно социальной, результатом которой является «социокод, посредством которого фиксируются программы социального поведения, общения и деятельности» [8, с. 42-43]. В сложной структуре комплекса этих программ В. С. Стёпин выделяет следующие уровни: «реликтовые программы» как наследие прошлых культур; современные программы, обеспечивающие функционирование и воспроизводство конкретного общества; и, наконец, «программы социальной жизни, адресованные в будущее. Их культура генерирует за счет внутреннего оперирования знаковыми системами» [7, с. 343]. Причём, отмечает президент Российского философского общества, «чем динамичнее общество, тем большую ценность обретает этот (последний – М. П.) уровень культурного творчества» [7, с. 343], на основании чего и делается важный для настоящей статьи вывод о том, что «необходимость философского познания мира коренится в динамике социальной жизни и диктуется реальными потребностями в поиске новых мировоззренческих идей, регулирующих человеческую жизнедеятельность» [9, с. 195]. Чтобы понять этот механизм, рассмотрим понятия «универсалий культуры», или «традиционных жизненных смыслов», или «смысложизненных ориентаций», представляющие собой «категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [7, с. 343].

Эти универсалии культуры делятся В. С. Стёпиным на следующие две группы: во-первых, фиксирующие «наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность» [8, с. 62] и выступающие «в качестве базисных структур человеческого сознания» [8, с. 62], например, материя, пространство и время, количество и качество, необходимость и случайность. Во-вторых же, это смысложизненные ориентации, касающиеся «структуры ... общения, ... отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни» [8, с. 63]: человек и общество как таковые, мораль, добро и зло, жизнь и смерть, совесть, справедливость и т.д. Кроме того, следуя мысли В. С. Стёпина, можно выделить два «слоя» культурных смыслов: общечеловеческий и локальный, характеризующий «национальные и этнические особенности каждой культуры, свойственное ей понимание пространства и времени, добра и зла ... и т. д.» [8, с. 64]. Все эти универсалии «возникают, развиваются и функционируют как целостная система» [8, с. 63], они «пронизывают» собою все сферы культуры – религию, науку, искусство, философию и т.д., предопределяя специфику каждой из них в рамках той или иной культуры в определенную эпоху (или, в своей совокупности, особенность человеческой культуры в целом).

Однако уникальность философии состоит именно в том, что она не только выражает эти жизненные смыслы, подобно другим областям, но и способна рефлексировать над ними, превращая их из неосознаваемых оснований культуры в философские категории, по поводу которых возникают философские и далее – общественные дискуссии.

Эта способность философии становится особенно востребованной в периоды, когда существующие «мировоззренческие идеи и принципы, выраженные системой универсалий культуры (представлениями о природе, обществе, человеке, добре и зле, свободе и справедливости и т. д.), перестают обеспечивать воспроизводство и сцепление необходимых обществу видов деятельности» [9, с. 195], т.е. опираясь на сложившуюся систему смысловых ориентаций, невозможно сформулировать ответ на внутренние либо внешние возникающие перед обществом исторические вызовы. В условиях нарушения передачи новым поколениям накопленного опыта для ответственно мыслящих людей «особенно острыми становятся мировоззренческие проблемы, ответ на которые люди пытаются найти, чтобы обрести понимание себя и мира: «Что такое справедливость?», «Как человек должен относиться к природе?», «Что такое добродетельная и недобродетельная жизнь?» и т. п.» [9, с. 195]. Раньше – т.е. до возникновения той или иной «переломной эпохи» – ответы на эти и подобные вопросы уже содержались «в готовом виде» в культурных универсалиях и некритично воспринимались в процессе социализации, а возникающие перед социумом вызовы, причины и решения которых не осмысляемы с точки зрения системы существующих универсалий, ставят их под сомнение, лишают статуса «самоочевидных жизненных смыслов».

Пятая глава «Цивилизации и культуры» – «Философия как самосознание культуры» – посвящена именно рассмотрению механизма той помощи, которую философия оказывает в решении вышеобозначенных острых мировоззренческих вопросов в эти периоды, когда «личный опыт все большего числа людей уже не согласуется со смыслами «обжитых» универсалий» [8, с. 209], и «традиционные смыслы ... утрачивают функцию мировоззренческих ориентиров для массового сознания» [8, с. 209]. В этих условиях мировоззренческого кризиса – и одновременно напряжённого поиска новых ориентиров – философия помогает в этом поиске путем рационального критического анализа существующих смысловых ориентиров, приводящим к удалению из основания культуры тех, которые признаются в результате описываемого анализа несоответствующими новому социальному опыту или новым открытиям. Но для того, чтобы «изменить прежние жизненные смыслы, закрепленные традицией в универсалиях культуры, а значит, и в категориальных структурах сознания данной исторической эпохи» [8, с. 210], надо, указывает В. С. Стёпин, «вначале эксплицировать их, сопоставить с реалиями бытия и критически проанализировать как целостную систему» [8, с. 210], и философия, «эксплицируя и анализируя смыслы универсалий культуры, выступает в этой деятельности как теоретическое ядро мировоззрения» [8, с. 210].

Однако кроме санации сложившихся универсалий культуры, философия, согласно модели В. С. Стёпина,

способствует формированию новых: ведь с первых своих шагов она демонстрировала «способность порождать нестандартные категориальные модели мира, не соответствующие и даже противоречащие архетипам и стереотипам сознания, доминирующим в культуре своего времени» [9, с. 196] – однако если впоследствии эти парадоксальные модели бытия, общества, сознания и т.д. оказывались соответствующими новой социальной практике, способствовали выработке ответа на исторические вызовы и т.д., то становились «зародышами» новых мировоззренческих универсалий. Тем самым философия способна «вносить мутации в культуру, подготавливая кардинальные изменения социальной жизни» [8, с. 214], и эти «новые философские идеи включаются в поток культурной трансляции как своего рода дрейфующие гены» [8, с. 214], на основании чего В. С. Стёпин заключает, что философ как таковой, «сознает он это или нет, часто адресует открытые им новые категориальные смыслы будущему» [8, с. 214].

В подтверждение того, что философское исследование, «связанное с постановкой теоретических задач и оперированием категориями как особыми теоретическими конструктами, позволяет выйти за рамки универсалий своей культуры и генерировать новые мировоззренческие смыслы» [8, с. 213-214], В. С. Стёпин приводит примеры, начиная с Греции, указывая, например, на разработку досократиками всех логически возможных вариантов решения проблемы части и целого, единого и множественного, повлиявшую на всё последующее развитие математики и физики.

На основании вышерассмотренного становятся понятной мысль В. С. Стёпина, высказанная в рамках уже упомянутого «круглого стола» «Философия в современной культуре: новые перспективы»: «философия всегда была высшей формой авторефлексии культуры, т.е. анализом предельных оснований познания, деятельности и оценки» [3, с. 4], причём этот анализ всегда приводил к предложениям того или иного их изменения. Т.е. философия представляет собою «своеобразный сплав теоретических констатаций и нормативных прескрипций (при этом нередко прескрипции выдавались за констатации), сплав исследования и проектирования» [3, с. 4], и именно в таком качестве она «сегодня все больше обнаруживает прямой практический смысл» [3, с. 5], поскольку «цивилизация вступает в переломный пункт. Старые формы культуры нуждаются в изменении» [3, с. 5].

Вытекающую отсюда идею об актуальности применения философской рефлексии к острейшим проблемам современности В. С. Стёпин развивает и в ряде других выступлений и статей; в частности, открывая последний, VI Российский философский конгресс «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» (2012 г.) он сказал, что в кризисные, переломные для страны времена – когда для выработки адекватного ответа на исторические вызовы необходимо проанализировать глубинные ценности культуры как «гены социальной жизни» – философия обязана быть практической наукой [10, с. 4].

Такое понимание философии помогает пройти между «Сциллой и Харибдой» упомянутых в начале нашей статьи представлений о философии, препятствующих её сохранению в высшей школе России. Ведь, с одной

стороны, и результаты критического осмысления универсалий культуры, и предлагаемые на основе этого новые жизненные смыслы, и методы философского мышления – в трактовке последнего В. С. Стёпиным – могут быть вербализованы и изучены в образовательном процессе, что отрицается первым из приведённых в начале статьи представлений.

С другой же стороны, поскольку подвергающиеся философской рефлексии универсалии культуры содержат, как было рассмотрено, помимо целей и ценностей социальной жизни также и характеристики включаемых в человеческую деятельность объектов, то несмотря на то обстоятельство, что «симптомы» или «признаки» (в терминологии А. В. Панина и В. В. Ильина соответственно) гуманитарного научного знания в большей степени позволяют позитивно оценивать научность философии, её однозначное отнесение к ряду именно гуманитарных наук не вполне очевидно. Ведь, например, научная картина мира своим фундаментом имеет «материю», «пространство», «время», «движение», «причинность» как философские понятия, которые, согласно рассмотренной модели В. С. Стёпина, есть результат осмысления второй группы универсалий. В этом плане можно согласиться с З. А. Каменским в признании уникальности места философия в научной классификации: «её нельзя отнести ни к одному классу наук... Она – некоторое специфическое образование, некий новокачественный синтез, совмещающий в себе общие принципы статуйирования знания в науку с некоторыми специфическими чертами каждого из ... классов наук» [11, с. 48-49]. Соответственно, это лишает убедительности утверждения о том, что преподавание философии можно сокращать до минимума без потери качества подготовки, например, инженеров. Не имея возможности подробнее останавливаться на альтернативных походах к образованию, воспользуемся лаконичными формулировками В. А. Канке, выделяющего интерпретации образования как процесса приобретения «тех навыков, которые нужны непосредственно на будущем рабочем месте» [12, с. 240] – и как «максимально действенное включение человека в культуру человечества» [12, с. 240], в рамках чего даже смысл профессиональной подготовки заключается во «всестороннем культивировании таких ценностей, как истина, добро, красота, творчество, ответственность» [12, с. 240]. Понятно, с первой точки зрения философия явно «избыточна» в системе образования, но со второй, трактующей само образование как усвоение ценностей культуры и развитие способности к созданию новых, оно (образование) не может не содержать – в качестве необходимой составляющей – философию как рефлексии над основаниями культуры, что особенно глубоко было рассмотрено В. С. Стёпиным.

Список литературы:

1. Мамардашвили, М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. Доклады, статьи, философские заметки. – М. : Прогресс, 1992. – С. 14-27.
2. Образование в конце XX века (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1992. – №9. – С. 3-21.

3. Философия в современной культуре: новые перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 3-46. С. 3.
4. Запесоцкий, А. С. Теория культуры академика В. С. Степина : лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае-сентябре 2010 года / А. С. Запесоцкий. – СПб. : СПбГУП, 2010. – 112 с.
5. Запесоцкий, А. С. Концепция культуры В. С. Степина / А. С. Запесоцкий // Степин В. С. Цивилизация и культура. – СПб. : СПбГУП, 2011. – С. 7-15.
6. См., например: Всемирная энциклопедия: Философия. – М. : АСТ, Мн. : Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.; Новейший философский словарь. – Мн. : Изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
7. Степин, В. С. Культура / В. С. Степин // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2 / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; Предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М. : Мысль, 2010. – С. 341-347.
8. Степин В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин // Цивилизация и культура. – СПб. : СПбГУП, 2011. – С. 16-398.
9. Степин, В. С. Философия / В. С. Степин // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4 / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; Предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М. : Мысль, 2010. – С. 195-200.
10. См. : Чумаков, А. Н. Философия в социальном мире : диалог мировоззрений / А. Н. Чумаков, А. Д. Королёв, А. В. Дахин // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 3-17.
11. Каменский, З. А. Философия как наука. Классическая традиция и современные споры / З. А. Каменский. – М. : Наука, 1995. – 173 с.
12. Канке, В. А. Философия: Учебное пособие для студентов высших и средних специальных учебных заведений / В. А. Канке. – М. : Логос, 2001. – 272 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭНТРОПИИ, ХАОСА И АСИММЕТРИИ В УСТРОЙСТВЕ МИРА

Ковалев-Сухомесов Станислав Романович

Член союза художников России, заслуженный художник России, Пермь

Оконская Наталья Камильевна

профессор, доктор философских наук, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, профессор кафедры философии и права, Пермь

Резник Ольга Афанасьевна

Пермский гуманитарно-технологический институт, доцент кафедры гуманитарных наук, Пермь

INTERRELATION OF ENTROPY, CHAOS AND ASYMMETRY IN THE ARRANGEMENT OF THE WORLD.

Kovalev-Suhomesov Stanislav Romanovich, Member of the Union of Artists of Russia, deserved artist of Russia, Perm Okonskaia Nataliia Kamilevna, Professor, Doctor of Philosophy, Perm National Research Polytechnic University, Professor of Philosophy and Law Department, Perm

Reznik Olga Afanasievna, Perm Humanitarian Institute of Technology, Associate Professor, Department of Humanity sciences, Perm

АННОТАЦИЯ

Целью статьи стало разрешение философскими методами назревшего противоречия между рациональной организацией опыта и мифологической не критичностью общественного сознания. Диалектический синтез точечного абстрактного использования понятий энтропии, симметрии, хаоса позволил выстроить усложненную картину саморазвития мира. Гипотеза атрибутивности не энтропии и асимметрии позволила представить практические рекомендации к преодолению гносеологических и бытийных кризисов современной реальности. Блокирование энтропийных опасных ситуаций действительности оказывается возможным при встраивании в контролируемые области асимметричных новых элементов.

ABSTRACT

The purpose of the article is a resolution with philosophical methods of the overdue contradiction between the rational organization of experience and mythological uncritical public consciousness. Dialectical synthesis of point using of abstract concepts of entropy, symmetry, chaos allowed to build complicated picture of the self-development of the world. Attribution hypothesis of negentropy and asymmetry allowed to present practical recommendations for overcoming epistemological and existential crises of modern reality. Blocking of dangerous entropic situations of reality becomes possible when integrating in the controlled area of asymmetric new elements.

Ключевые слова: энтропия; не энтропия; симметрия; асимметрия; темная материя; синергетика; хаос; черные дыры; контрреальность; голографическая Вселенная; лист Мёбиуса.

Keywords: entropy; negentropy; symmetry; asymmetry; dark matter; synergetics; chaos; black holes; kontrreality; holographic universe; the Möbius strip.

В силу кризиса гуманитарных знаний многие современные философы перестали задаваться вопросами устройства Вселенной, хотя это чрезвычайно актуально для системы культуры, особенно в связи с ускоренным развитием науки и техники. Философские учебники демонстрируют абстрактно сформулированные «хрестоматийные» ответы на проблемы XX века, а множество назревших противоречий в науке требуют нетривиального философского прояснения. Так, действие закона энтропии не везде состыковано с устойчивым саморазвитием Вселенной от низшего к высшему. Синергетика И. Пригожина с особой интерпретацией роли Хаоса не вписывается в систему понятий, где хаос играет негативную роль. Гармония социальных отношений в условиях современного военного противостояния воспринимается в качестве пустой абстракции.

Множество научных мифов заполняют вакуум конкретных знаний по поводу мироустройства. К примеру, опасение использования «генномодифицированных продуктов» есть результат мифологического восприятия эволюции в химии и в биологии. Любое действие рекламы оказывается эффективным именно потому, что в обыденности распространено некритическое восприятие научной или научнообразной информации. В физике множество мифов складывается вокруг энтропии, синергетики, черных дыр, темной материи. Данная статья есть попытка уйти от мифотворческого восприятия развития как такового. Для этого мы продумываем взаимосвязь таких понятий, как энтропия, неэнтропия, симметрия, асимметрия, темная материя, хаос. Особое внимание авторами статьи уделяется категории асимметрии как наименее распространенной в философско-научной литературе.

Развитие трактуется в классической философии как саморазвитие, самоорганизация. В социальных системах самоорганизация предполагает (и это очевидно каждому на уровне обыденного восприятия) вытеснение асоциальных, девиантных форм поведения. Изгнание Каина, изоляция преступников относится к наглядным проявлениям социального саморегулирования. В химии вытеснение органическими элементами остальных химических элементов с ведущих позиций во всех шести оболочках Земли также воплощает собой саморазвитие.

Наиболее объемным по пространственным параметрам системным объектом является космос, – галактики, планеты, черные дыры, струны и т.д. Если под углом самоорганизации рассмотреть взаимодействие всех макро- и микрокосмических объектов, то можно предположить, что самоорганизация и отсев неустойчивых компонентов огромного пространства космоса происходит через энтропию, возникающую в системе. Энтропия – это перевод сложной энергии в тепло и его дальнейшее рассеивание (согласно второму закону термодинамики). «Рост энтропии – это универсальное свойство любых необратимых процессов, происходящих в природе» [8, с. 702]. С научной точки зрения энтропия от греч. *entropia* «поворот», «превращение» является однозначной функцией состояния замкнутой термодинамической системы. Неравновесные процессы в изолированной системе сопровождаются ростом энтропии и приближают систему к состоянию равновесия, в которой энтропия максимальна.

С помощью свойства энтропии академик Амбарцумян объясняет эволюцию космических объектов: «...в нашей и дальней галактиках, – наряду с относительно спокойно происходящими изменениями наблюдаются явления эволюционного порядка, масштабы которых не могут не поражать воображения. Происходят исполинские взрывы, выбрасываются колоссальные массы вещества» [1, с. 83].

Если достижения ученых через понятие «энтропия» уже воспринимаются на уровне обыденного сознания, то другое атрибутивное свойство мира, – симметрия – остается в тени общественного обыденного сознания. Этим подготовлена ловушка для мифотворчества. Энтропия неразрывно связана с симметрией-асимметрией. Так, в выводах академика Амбарцумяна мы узнаем, что «в ходе эволюции материи обнаруживается общая тенденция уменьшения степени симметрии и, соответственно, возрастания асимметрии. Следовательно, в будущем доля симметрии будет убывать, а доля асимметрии – увеличиваться, ... Заметим, что направление термодинамической стрелы времени обуславливается возрастающей в будущем энтропией, что наводит на мысль о тождественности явления асимметрии и энтропии. И не являются ли два этих явления проявлением одной и той же природы?» [2, с. 42-43].

Асимметрия красивых человеческих лиц и тел говорит о том, что через энтропию (здесь – это нарушение врожденной симметрии) организм оказался способным улучшить природную данность и добавить социальной и эстетической гармонии в творение природы.

«Энтропию можно интерпретировать...как меру нашего незнания деталей внутреннего строения системы» [8, с. 702].

Рассмотрим проблему энтропии (асимметрии) через призму знаменитой теории «Голографической Вселенной» Давида Боба, который утверждал, что «каждая клетка нашего тела уже содержит в себе весь свернутый космос. Этим же свойством обладает и каждый лист, каждая капля дождя и каждая пылинка» [9, с. 65]. То есть получается, что любая песчинка, любое существо, любой маломальский листок растения, в том числе и наше физическое тело, содержит в своей форме и отображает весь окружающий нас мир.

А если в каждом листочке прочитываются законы мира в целом, то попробуем «спросить» с помощью обычного листа малины о законах симметрии, асимметрии, энтропии, неэнтропии.

В этих целях сгодится верхушечный лист малины, имеющий форму трилистника. Но следует подобрать наиболее симметричный, чтобы исключить случайные отклонения генетического характера от идеального, с наиболее прямой срединной жилкой, являющейся осью симметрии листа. Этот листик подложить под кальку и на кальке, как можно точнее, обвести контур просвечивающего листа. Затем перевернуть кальку и просвечивающий абрис совместить с листиком. В таком случае, в силу асимметричности, нанесенный второй абрис не совпадет с первым. Часть площади изображения окажется вне общей площади листа. Полученное двойное изображение наложить на миллиметровку и подсчитать количество квадратных

миллиметров по отдельности, как в пределах общей площади, так и вне её, а этот результат перевести в проценты.

Для наиболее приближенного значения эксперимента следует проделать подобную операцию со многими листочками, для получения репрезентативного результата.

После проведения такой операции с листом малины мы получили: 5,9% площади, оказавшейся вне общей площади, суммарной для обеих сторон каждого листа, и 94,1% — общей площади. Прделанный эксперимент позволяет поставить вопрос о процентном соотношении таких противоположных свойств мира, как энтропия и асимметрия, негэнтропия и симметрия. В силу единства мира то, что явлено, сигнализирует о скрытом. Для обозначения скрытого содержания в философии используется множество абстракций (сущность n -порядка, субстанция, пр.), а в естествознании возобладали в настоящее время термин «темная материя».

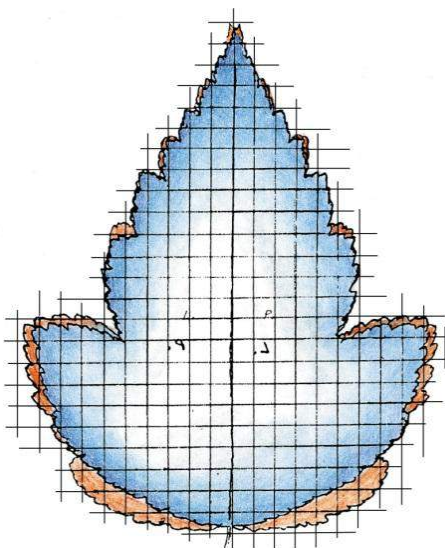

Рисунок 1. Эксперимент с листком малины (худ. С. Ковалев)

Однако простое совпадение цифр либо идей не является критерием истинности. Мы поддерживаем значимость найденного в эксперименте соотношения $\approx 6\%$ к 94% еще и по логическим основаниям. Если художник выделяет геометрическую энтропию (нарушение симметрии) как область энергетического затратного действия, то... в научном сознании энтропия принимает самые причудливые скрытые формы. Так, Б.Ф. Поршнев, говоря о тормозной доминанте, по сути, раскрывает идею энтропии нервной деятельности. Из двух взаимосвязанных нервных аппаратов — возбуждения и торможения, — «более мощным, более сложным, эволюционно более поздним, энергетически более дорогим является тормозная доминанта. Механизм возбуждения ... сам по себе остается одним и тем же на очень разных уровнях эволюции и на разных уровнях нервной деятельности какого-либо высокоразвитого организма. Это генетически низший, собственно рефлекторный субстрат. Переменная, усложняющая величина — противостоящее ему торможение» [6, с. 262].

Область устойчивости, симметрии соответствует системе без каких-либо энергопроцессов, энергозатрат. Область явленного покоя. Если бы не адаптация субъектов восприятия с помощью органов чувств (субъективный

В данном достаточно обычном эксперименте каждый может обнаружить область симметрии, сохранения устойчивости, некий сигнал о существовании таких законов, где энтропия встречает негэнтропийное сопротивление, и эту область можно арифметически подсчитать.

И этот, экспериментально полученный результат, вполне согласуется с гипотезой де Ситтера «односторонней и изотропной космологической модели с замкнутой временной координатой в виде Четырёхмерной сферы» [Цит. по: 4, с. 140], и с идеей, положенной в основу мироздания по принципу листа Мёбиуса. Мы находим себя на одной стороне мирового устройства. Но есть еще и обратная невидимая для наших восприятий и исследований сторона, т.н. контрреальность, или «темная материя». В этой гипотезе видимый и воспринимаемый нами мир предстает как автономный по отношению к огромной части Вселенной.

образ объективного мира), ничто в реальности не выглядело бы покоящимся, определенным, устойчивым. Ощущения отражают окружающий мир, при этом искажая его. Эксперименты в классической науке нацелены на обнаружение объективности. Постнеклассический период развития науки подводит исследователей к новой черте понимания мира и нашего взаимоотношения с ним, к пониманию новой объективности.

Поскольку в нашей реальности нет ни одной точки, где энергия не задействована, то область явленного покоя логично назвать обнаружившей себя темной материей или контрреальностью. Для усложненного новыми фактами объяснения мира не обойтись без нового атрибута: негэнтропии, играющей ведущую роль по отношению к энтропии, своей противоположности, и проявляющей себя в асимметрии, неотъемлемо связанной с моментами симметричности, действующей в качестве источника голографического восприятия мира как покоящегося.

Чтобы целостность любой системы сохранялась, и система при этом совершенствовалась, необходимо части системы, не подходящие к новым условиям, — выбраковывать, подвергать торможению, энтропии, превращению

выворачиванию, как в петле Мёбиуса, про запас, превращая в тепло, в Хаос, в первозданность.

Хаос – неизбежные издержки при последовательном чередовании этапов эволюционного преобразования материи от неживого к живому. И от живого – через мертвое – к более совершенному живому. Как сказал любимый ученик Эйнштейна Дэвид Бом, «некоторые вещи более упорядочены, чем другие, причем иерархия порядка бесконечна во вселенной... То, что нам кажется неупорядоченным..., вовсе может и не являться таковым. Возможно, порядок этих вещей имеет «такую бесконечно большую величину», что они только кажутся беспорядочными» [Цит. по: 9, с. 58].

К процессу энтропии хаос имеет лишь опосредованное отношение, но ни в коем случае не является собственно процессом энтропии. *Энтропия лишь локальна, относится к тем частям любой системы, которые выбраковываются самой системой и используются для подпитки вновь образуемых модификаций, более совершенных.* Так, в химии часть реакций идет с затратой тепла. Это реакции синтеза. Источник тепла кроется в реакциях разделения сложного вещества на более простые. По аналогии, мы едим, чтобы жить. Жизнь является очень сложным синтетическим процессом, и для ее осуществления требуется огромное количество энергии. Главный источник энергии на Земле, – синтез, осуществляемый растениями.

Само явление энтропии, представляющее собой в нашей реальности нашего макромира совершенно понятный и заурядный процесс – расход энергии при горении, движении, вообще при любом действии, тем не менее представляет собой одно из самых чудесных и загадочных явлений. Точно так же, как и простое преобразование бумажной полоски в лист Мёбиуса, в результате которого другая сторона этой полоски *куда-то, загадочным образом*, «исчезает». А односторонняя сфера, в процессе возрастающей в системе энтропии, оказывается раскрытой вовне, в некоторого рода неизвестную и загадочную бесконечность.

Таким образом, раз есть действие, – то есть и расход энергии, а расход энергии – увеличивающаяся в данной точке мира энтропия. Мы связали локальную энтропию с необходимостью саморазвития каждой материальной системы, со своего рода «генной» модификацией. И чем сложнее и гармоничнее саморазвивающаяся система, тем важнее преодоление выворачивающего наизнанку влияния энтропии. В обществе энтропия нагляднее, чем в биологическом мире (богатые и бедные, моральное уродство, – и одухотворенность), а в живой природе энтропия много заметнее, чем в химическом мире (растения и животные, возрастные различия, пр.). Так же теоретически можно предположить, что с возрастанием энтропии (а скорее, с увеличивающейся в будущем асимметрией), возрастает и упорядоченный беспорядок, «Хаос» Ильи Пригожина, «порядок неопределенно высокой степени» Давида Боба.

В нашем мире царит «таинственная асимметрия, а вовсе не прозрачная симметрия, и потому идея Вселенной в виде трехмерного листа Мёбиуса имеет кое-какие шансы оказаться жизненной» [3, с. 61].

Локальная энтропия, симметрия, может быть обозначена как некоторый зазор в системе (щель, дыра), но это совсем не значит, что где-то в мире существует такая прореха. Схема всего лишь обозначает *принцип какого-то явления, условное рассмотрение процесса.* Зона энтропии является необходимой частью любой области «нашей» реальности, так как именно в зоне настоящей (не темной) реальности происходят процессы развития и становления. Черные дыры как элемент космоса логично вписываются в космическую саморазвивающуюся систему в качестве локальных областей энтропии» [2, с. 90-91].

В реальности место присутствия энтропии как бы размазано по пространству-времени. Черные дыры, фиксируемые в космологии, мы можем рассматривать в качестве модели для других типов энтропийных затрат (химических, биологических, социальных). То есть любая асимметрия есть результат действия некой невидимой «дыры» (белой или черной) общества, личности, социальной группы животных, биогеоценоза. С точки зрения английского ученого Роджера Пенроуза, «на современном этапе эволюции Вселенной основной вклад в ее общую энтропию вносят именно черные дыры» [5, с. 81]. В нашем исследовании мы хотим дополнить данную гипотезу наличием и белых дыр, которые характерны для «нашей» реальности, тогда как черные дыры – это явление контрреальности.

Выключение гена через механизм «сайленсинга» (от англ. Gene silence) – своего рода локальные «черные дыры» химического уровня живого. Последовательность генов в геноме не нарушается, но отдельные гены перестают участвовать в воспроизводстве генома. Есть и еще один механизм саморегуляции генома, когда отдельные гены полностью разрушаются (генный нокаут) внутренними процессами саморегуляции. И первый, и второй процессы могут быть отнесены к развитию асимметрии, к преодолению энтропии.

Гео-катаклизмы, революции и гражданские войны можно назвать зонами проявления взаимосвязи энтропии и асимметрии для социума.

По-новому выверенные взаимосвязи понятий позволяют представить философские абстракции «субстанции» «материи», «идеи» «модусов бытия» конкретно-практически. В каждой точке пространственно-временного континуума есть обратная сторона, контрреальность. Поворот в «свое иное» осуществляется не под воздействием неких неблагоприятных внешних условий, а при возобладании энтропийных процессов над неэнтропийными. Если следить за симметрией, а не за красотой и гармонией бытия (и быта), то энтропия, потеря энергии, тепла может стать необратимой. К примеру, в тех условиях, где удастся задавить антагонизм противоборствующих социальных групп, – удастся избежать войн и других социальных катаклизмов. Общество с таким «задавленным антагонизмом» не выглядит безмятежно счастливым, однако его асимметрия жизнеспособна настолько, чтобы гарантировать будущее новым поколениям в направлении прогресса экономики и духовности.

Список литературы.

1. Амбарцумян В.А. Загадки Вселенной. М.: Педагогика, 1987. – 112 с.
2. Ковалев-Сухомесов С. Гипервселенная. Пермь: Книжный формат, 2013. – 143 с.
3. Левитин К. Геометрическая рапсодия. – 2-е изд., переработ. и доп. М.: Знание, 1984. – 176 с.
4. Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политическая литература, 1974. – 240 с.
5. Пенроуз Р. Циклы времени. Новый взгляд на эволюцию Вселенной. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. – 333 с.
6. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. – 487 с.
7. Рыбальченко В.А. К вопросу о едином закономерном мировом процессе и проблеме развития физической формы материи. – Вестник ПНИПУ, серия Культура. История. Философия. Право. 2013, №7 (44). – С. 31-36.
8. Словарь философских терминов / Научная редакция проф. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М., 2005. – XVI, 731 с.
9. Талбот Майкл. Голографическая Вселенная/Перев. с англ. М.: Издательский дом «София», 2004. – 368 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ИНФОРМАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Петриченко Евгений Анатольевич

Аспирант кафедры философия, Современная Гуманитарная Академия, Москва

INTERNATIONAL SOCIETY FOR INFORMATION STUDIES. ANALYSIS OF THE MAIN PROVISIONS.

Petrichenko Evgeniy Anatolievich, Postgraduate of the philosophy department, Modern University for the Humanities, Moscow
АННОТАЦИЯ

Рассматривая информацию как явление, выяснилось, что для сознания воспринимающего субъекта информация предстает всего лишь формой. Каждый раз, когда человек сталкивается с этим явлением, его сознание имеет дело с различными формами, содержание которых неоднородно, формируется в результате оперирования абстракциями и имеет достаточно отдаленные и опосредствованные отношения с объективной реальностью. На основании выше изложенного, в статье сделан вывод, что рассмотрение понятия «информация» как обозначения объективной реальности и как отражения объективной реальности, является ошибкой.

ABSTRACT

Considering information as a phenomenon, we have found out that information only appears to be a form for conscience of a perceiving subject. Every time a human conscience faces this phenomenon, it deals with different forms with heterogonous contents resulted from operating with abstracts and having a rather remote and indirect relation to the objective reality. In view of the foregoing, the article concludes that it is wrong to consider the notion 'information' to define and reflect the objective reality.

Ключевые слова: информация; сознание; объективная реальность; представление.

Keywords: information; conscience; objective reality; phenomenon; essence.

В настоящее время понятие информация используется во множестве самых разнообразных областей жизнедеятельности человека. На наш взгляд, есть все основания полагать, что это понятие также должно иметь целый ряд различных содержаний. Тем не менее, мы всё чаще встречаемся с таким положением, когда авторы самых различных исследований в самых различных областях используют понятие «информация», не затрудняя себя раскрытием его содержания и разъяснением его взаимосвязи с той системой терминов и понятий, которая используется в данной области.

Действительно, в нашей повседневной практике мы видим множество примеров, когда содержание понятия «информация» подменяется отрывочными формами данных, например, в форме ярких изображений, в разнообразных формах телевизионных передач, в виде картинок на не поддающихся никакой классификации рекламных щитах и т.п. Во всей этой огромной и разносторонней каждо-

дневной практике можно заметить единство – наше сознание искусственно отсекается от непосредственного общения с объективной реальностью и, кроме того, ему прививается желание постоянного общения с подобными искусственными формами.

Очевидно, что, в конечном счете, всё, упомянутое выше, затрудняет или даже полностью исключает процесс познания человеком объективной реальности, если его мышление полностью полагается на то, что ему преподносится под названием «информация».

На наш взгляд, нельзя недооценивать влияния существующих форм понятия «информация» на процесс познания, так как оно в настоящее время имеет важное практическое значение во множестве сфер деятельности человека.

Ниже рассмотрим несколько интересных, на наш взгляд, примеров, когда ученые тесно связывают информацию с познавательной деятельностью.

Рассмотрим некоторые фундаментальные положения президента европейского общества изучения информации (ISIS) Вольфганга Хофкирчнера, который в своей статье «К новой науке информации», опубликованной венским технологическим университетом, информацию соотносит с наукой, а само появление информации считает научной революцией. Ученый полагает следующее: «Наука Информации предполагает приложение определенных усилий по преодолению научных разрывов и границ. На уровне целей она стремится быть наукой для информационного общества, что означает, что она должна быть востребована к пользованию посредством основных исследований. Она нацелена на повышение качества решения проблем общества при столкновении с проблемами, которые угрожают погубить цивилизованную жизнь на планете Земля» [1, с. 372-382]. На наш взгляд, в данном высказывании мы видим пример, когда «информация» используется в качестве хорошо известного, а следовательно и хорошо воспринимаемого термина с целью представления якобы научного обоснования так называемого «информационного общества», которое, с помощью той же информации, спасет от неминуемой гибели всю «цивилизованную жизнь».

Если отбросить в сторону всю фантастичность такой гипотезы и рассмотреть взгляд Хофкирчнера на информацию с позиции диалектической категории «форма-содержание», то мы увидим, что содержанием информации у Хофкирчнера является: в науке - некая методология, призванная преодолеть научные границы и разрывы; в общественной жизни - идеология, нацеленная на решение проблем общества; и в экономике - некая универсальная формула производственных отношений, поскольку решить проблемы общества без решения экономических проблем невозможно. Здесь мы имеем яркий пример бездоказательного научного утверждения, построенного на искусственной связке совершенно разных областей человеческой жизни и деятельности. Возможно, для публицистики такие высказывания позволительны, но для научных положений, на наш взгляд, совершенно излишни.

Некоторые философы, пытаясь раскрыть сущность информации, прибегают к выдвиганию собственных терминов, представляя их в качестве понятий, полагая, что без должной научной и практической проверки их содержания они могут стать общепризнанными. Так, например, Кун Ву, являющийся представителем интернационального центра по философии информации, расположенного в Сиане (Китай), член международного общества изучения информации (Австрия), предлагает термин «информосомы»: «Для описания такого положения дел необходимо ввести более широкие термины, так например, любой объект можно назвать саморазвивающейся «информосомой», которая вбирает в себя все виды информации о прошлых, настоящих и будущих структурах и состояниях. Из-за материального характера «информосомы» свойства любого объекта составляют единство непосредственного и опосредованного существования, причем это единство также имеет троичные свойства: одновременно источник информации, носитель информации и сама информация как та-

ковая» [3, с. 403-419]. Нетрудно заметить, что никакой ясности в отношении информации данный термин не вносит.

Интересный пример представления информации в виде материальной субстанции дает нам Вальтер Кофлер — президент Международной академии наук (Здоровье и Экология), профессор Медицинского университета Инсбрука (Австрия), член международного общества изучения информации (Австрия), доктор медицинских наук, профессор. Его «механистическое сознание» с медицинским уклоном заполняет понятие «информация» абстракциями, которые сложились в сознании на протяжении его профессиональной жизни и, на основании этого опыта, ученый предлагает соответствующее определение информации: «Информация является необходимым условием для современного понимания процессов в клетках, тканях, органах, организмах, но также и между отдельными лицами и социальными структурами» [2, с. 1].

Очевидно г-н Кофлер придерживается схожей позиции с Хофкирчнером в отношении связи информации с различными областями наук и видит в информации связующее звено и ответ на многие до сих пор не раскрытые вопросы: «Кажется возможным построить мостик между слоями в пределах биологического, эмоционального, когнитивного и интеллектуального уровней иерархии не только в рамках одного человека, но также и между людьми и машинами».

Аналогичную позицию занимает Сорен Бриер, вице-президент по исследованиям международного общества изучения информации, член американского общества кибернетики. В своем труде «Основы информационной науки. На пути к созданию новой информационной, когнитивной и коммуникационной науки» ученый формулирует научные задачи, связывая их непосредственно с появлением «новой формы человеческой природы»: «Практическая цель формулирования основ общей теории информации, когнитивных и коммуникативных процессов в природе и обществе – это то, что, как мы надеемся, будет способно вносить свой вклад в образование осмысленного эволюционного процесса, который объединяет технологический и человеческий аспекты в процессе, ведущем к появлению новой формы человеческой природы» [5, с. 1-3].

Таким образом, Сорен утверждает, что информация является наукой, но вместо обозначения объекта исследования и раскрытия методологии и форм исследования он заранее полагает, что объединение выше приведенных «наук», должно привести к новой форме человеческой природы (общества – прим. Авт.). Далее, полагая, что создание «новой формы человеческой природы» вполне по силам наукам, ученый конкретизирует первые свои «достижения» в этом направлении: «Мы сделали модель основных онтологических предварительных условий, которые необходимы как минимум для создания междисциплинарной основы для сотрудничества между естественными и социальными науками, а также в гуманитарных и технологических науках, таких как компьютерные науки и информатика». Далее, понимая всю обширность и многогранность обозначенной им проблемы, ученый вынуж-

ден добавить: «Наше праксиологическое понимание действительности сочетается с подходами таких ученых, как Луман, Витгенштейн, американский прагматизм (Пирс), Маркс, Мид. Эти ученые сосредотачиваются на практике с различных точек зрения».

В данном случае, не останавливая внимание на множество неточностей и явных нарушений в аспекте философских категорий «форма-содержание», посмотрим где, на наш взгляд, г-н Сорен совершает главную ошибку. Общеизвестно, и ранее не раз это ярко проявлялось в разных областях наук, в реальности каждый ученый и каждый философ неизбежно обладают различными взглядами как на практику, так и на другие аспекты реальности. В XX веке этой проблеме уделялось довольно серьезное внимание, и были намечены некоторые направления её решения. Мы не будем подробно на этом останавливаться, но имеем все основания полагать, что «новая наука», под которую г-н Сорен предлагает ещё только подвести научную базу, с большой долей вероятности может оказаться весьма эклектичной и далеко оторванной от действительности.

Рассмотрим ещё один научный взгляд на информацию. Представители международного общества изучения информации Диаз Нафрия и Райнер Циммерманн, в своей работе «Появление и развитие Значения», приходят к следующему заключению: «Выдающееся развитие фундаментальной физики за последние несколько десятилетий сейчас активно способствует развитию нового взгляда на понимание информации. Это, в частности, способствует разрешению одной из самых сложных задач для объединения наук (а именно «примирение» теорий относительности и теории квантов). Хотя такие взгляды на информацию должным образом не были признаны в сфере информационных исследований, тем не менее интеграция таких исследований в структуры развития общего понимания информации может обеспечить надежную базу для формулирования Единой Теории Информации».

Здесь мы видим ясно выраженное стремление ученых (Нафрия и Циммерманн) видеть в информации возможность «примирения» теории относительности и квантов и на этом создать общую Теорию Информации. Естественно, мы не можем судить о правомерности такого стремления, но сам взгляд на информацию в данной области наук, занимающихся глубинными исследованиями связи материи и энергии, безусловно, представляет определенный интерес.

Сущность информации эти ученые сопоставляют с энергией, о чем заявляют, например, в следующей цитате: «Общее понимание информации и значения дает возможность взглянуть на информацию в одном контексте с энергией, относящейся к потенциальной возможности выбора или изменений соответственно, и, в соответствии с этим, обладающей схожей материальной структурой» [4, с. 13-35].

Безусловно, сегодня мы не можем полностью отказаться от употребления рассматриваемого нами иностранного понятия, однако, на наш взгляд, этот аспект ещё более подчеркивает необходимость скорейшего разрешения

вопросов сущности информации как явления и содержания информации как понятия.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что «информация» является всего лишь формой, содержание которой является чисто субъективным и поэтому не конкретным. Понятия «информация» зависит от многих факторов – это и мировоззрение субъекта, включая влияние его профессиональной деятельности, и отношение к информации общества и даже влияние особенностей перевода этого понятия с английского языка.

Безусловно, человеческое мышление способно создать в конкретном сознании некий образ, оперируя имеющимися в памяти абстракциями, и дать ему имя – информация. На основании проведенного исследования вполне можно заключить, что большинство рассуждений, объектом которых является нечто, обозначаемое понятием «информация», базируется именно на таком представлении, которое имеет право называться только гипотетически, но не в коей мере отражением объективной реальности. В некоторых высказываниях можно разглядеть явное или достаточно расплывчатое представление, которое можно сформулировать так: «информация одновременно - это все и – ничто». Для одних ученых – это свойство жизни, генетический код, основа зарождения жизни, научная методология, для других – связующее звено между различными науками, некая всеобъемлющая «информосома», и т.д. и т.п.

Такое отношение к содержанию понятия информация, некорректное и неприемлемое с философских и научных позиций, позволяет с уверенностью полагать, что понятие «информация» во всех рассмотренных нами примерах не соотносится непосредственно ни с одним явлением реальности, т.е. во всех случаях это понятие не есть отражение объективной реальности. Т.е., мы сегодня не можем сформулировать: «Информация – это понятие для обозначения...???».

На самом деле связь информации (как явления) с реальностью в каждом конкретном случае для воспринимающего субъекта формируется в его сознании. Однако на практике это не может происходить без участия внешних факторов, воздействующих непосредственно на сознание воспринимающего субъекта и не без влияния конкретных объектов – создателей, носителей и передатчиков тех данных и сведений, которые преподносятся под именем информация.

Список литературы:

1. Hofkirchner W. Toward a New Science of Information // MDPI, information 2011. vol. 2. PP. 372-382. DOI: <http://www.mdpi.com/2078-2489/2/2/372>
2. Kofler W. Information – from an evolutionary point of view // ISIS. 2013. P. 1.
3. Kun W. The Essence, Classification and Quality of the Different Grades of Information // MDPI, information 2012. vol. 3. PP. 403-419. DOI: <http://www.mdpi.com/2078-2489/3/3/403>
4. Nafria D., Zimmermann R. Emergence and Evolution of Meaning // TripleC. 2013. vol. 11(1). PP.13-35. DOI: <http://www.triple-c.at>
5. Soren B. Fuschl Conversations: Foundations of Information Science. Towards a New Foundation of Information-, Cognitive- and Communication-Science // ISIS. 2006. PP. 1-3.

ТВОРЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Рябчикова Елена Павловна

канд.ф. наук, доцент Государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Нижегородский институт развития образования» (ГБОУ ДПО НИРО), город Нижний Новгород

CREATIVITY AS A CULTURAL PHENOMENON

Ryabchikova Elena P., Candidate of Philosophical Sciences (PhD), associate professor of State educational institution of additional professional education "Nizhny Novgorod Institute of Education development" (GBOU DPO NIRO), Nizhny Novgorod

АННОТАЦИЯ

статья рассматривает творчество как феномен культуры, тем самым придавая позитивный смысл данной категории, и призывая современников к разработке стабилизирующих систем для обуздания неуправляемого творческого порыва с целью защиты окружающей среды.

ABSTRACT

the article sees creativity as a cultural phenomenon, thus giving a positive sense to this category, and urging contemporaries to the development of stagnating systems in order to curb unmanaged creative impulse for the environment protection.

Ключевые слова: творчество, культура, личность, творческая деятельность.

Key words: creativity, culture, personality, creative activities.

Творчество - деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее [7, с.670]. С точки зрения диалектического материализма творчество всегда предполагает бытие и действие творца – субъекта творческой деятельности. Ленин писал, что для творчества «...необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии» [6, с.101].

Творчество как созидательная деятельность характеризуется неповторимостью (по характеру осуществления и результату), оригинальностью и общественно-исторической (а не только индивидуальной) уникальностью. Особый интерес к теме творчества вырос к середине 20 века, в этот период особое значение придается воображению, гибкости ума, дивергентному (т.е. расходящемуся в различных направлениях) мышлению, а так же внутренней мотивации творчества. Разрабатываются методики стимуляции группового творчества, среди которых более популярны – «брейншторминг» (в США) и сенектика. Первый исходит из того, что контрольные механизмы сознания, служащие адаптацией к внешней среде, препятствуют выявлению творческих возможностей ума. Нейтрализация этих барьеров достигается разделением двух этапов творчества - генерирования идей и их критической оценки. Сначала производят возможно больше идей в связи с какой-либо проблемой, а затем из общей массы суждений отбирают более оригинальные и перспективные. Синектика ставит целью актуализацию интуитивных и эмоциональных компонентов умственной деятельности в условиях группового творчества.

Успехи кибернетики, передача техническим устройствам поддающихся формализации умственных операций резко повысил интерес к творческим действиям личности, способностям, которые не могут быть формализованы. Предпринимаются так же попытки технического моделирования процесса поиска и открытия нового знания.

В сознании большинства творчество связывается с сугубо личностным процессом, несводимым ни к каким схемам и стандартам деятельности. Часто творчество рас-

сматривают как божественный дар, которым владеют избранные люди: талантливые или гениальные. Творческий процесс сокрушает старые стандартные решения проблем.

Н.А.Бердяев отмечал, что творчество – это прирост, прибавление, созидание нового, не бывшего ранее в мире. Творчеству присущи своеобразие, оригинальность, нестандартность, непредсказуемость результатов. Русский философ отмечает и другую проблему творчества – несоответствие между творческим вдохновением, в котором зарождается творческий замысел, и процессом «законнической» реализации творчества, обусловленной необходимостью подчиняться приемам, правилам деятельности. Бердяев характеризует творчество как великую неудачу, так как оно даже в совершенных продуктах (для творческого процесса – нет предела совершенству) всегда не соответствует творческому замыслу, что свидетельствует о глубоко личном, интимном аспекте творчества, являющемся поиском самовыражения одаренной творческой личности.

Н.А.Бердяев подчеркивал элитарный, аристократический характер творчества, объясняя это тем, что творчество культуры во всех сферах стремится к совершенству, к достижению высшего качества, но при этом культурная элита не может оставаться изолированной, самоутверждающейся, так как это чревато опасностью удаления от жизни, иссяканию творчества, вырождению и умиранию. Всякий групповой аристократизм неизбежно вырождается и иссякает. Подлинный духовный аристократизм связан с сознанием служения, а не с сознанием своей привилегированности [2].

Другой русский философ С.Л.Франк, отмечал, что «всякий человек, вносящий отпечаток своей личности в окружающую его среду, всякая жена и мать, вносящая свой собственный нравственный стиль в жизнь семьи, свой эстетический стиль в домашнюю обстановку, всякий воспитатель детей есть уже творец» [8, с.294].

Русские религиозные мыслители полагали, что в творчестве проявляется богочеловеческая природа человека, поскольку Бог-Творец, создавший человека по своему образу и подобию, наградил его своим творческим гением, поэтому творчество – призвание каждого человека,

так как он – орудие Божьих свершений и предназначений, и творчество возможно в любом виде деятельности.

Внутренними предпосылками творчества являются способности личности и мотивы деятельности, которые неразделимы. Творческая личность обладает рядом качеств: глубиной интеллекта, независимостью суждений и оригинальностью мышления, способностью предвосхищения, гибкостью и силой воображения и интуиции, настойчивостью и упорством в труде, критическим умом, высокими эстетическими качествами. Творческие способности позволяют человеку увидеть проблему в казалось бы тривиальной ситуации, отсюда – проявление мотивации, перерастающей побудительный мотив, потребность в деятельности независимо от поставленной первоначально задачи.

Принято считать, что каждый человек должен творчески относиться к действительности, так как это гарантирует гармонию общества и природы. События последних десятилетий XX века поставили под сомнение подобный оптимизм, предсказания ученых о надвигающейся экологической катастрофе является тому подтверждением. В процессе практического освоения действительности человек не только познает окружающий мир, но и преобразовывает его. На каждом историческом этапе, реализуя в общественно - полезном труде свои универсальные способности и потребности, человек выступает творческим субъектом, способным не только приспособиться к внешним обстоятельствам, но и желая изменить их, меняется сам, совершенствуясь и самоутверждаясь[4,с.311-343]. Объективная потребность в саморазвитии является основой творческой активности человека.

Продуктивная часть человеческой деятельности составляет специфику творческой деятельности. Творческая деятельность связана с созданием материальных и духовных ценностей, обладающих новизной и общественной значимостью. Сфера целесообразной деятельности людей, совокупность общественных предметов, в отличие от предметов природы, не преобразованных человеком, составляет понятие культуры в широком смысле слова. Отличительной чертой продуктов культуры является их бытие в качестве экономических, политических, нравственных, эстетических и тому подобных ценностей.

Культура изначально является способом и мерой овладения человеком внешней и социальной природой с целью своего всестороннего развития. В процессе усвоения и передачи культурной традиции люди не только актуализируют цели и задачи прошлого, но и обогащают культуру новыми смыслами, появившимися в недрах практической деятельности. Ранее под культурой в отличие от природы понимали все созданное человеком (И.Г. Гердер). Позднее возникли взгляды на культуру как идеально функционирующую систему и профессиональные умения, не учитывающие, что профессионально, то есть с большим умением можно и уничтожать людей и это злодеяние нельзя назвать феноменом культуры. Первым определил культуру как только то, что служит благу людей и что в своей сущности гуманистично - И.Кант, утверждавший, что вне гуманизма и духовности нет истинной культуры. Мыслитель предвидел бурное развитие цивилизации и сожалел, что культура идет вперед гораздо медленнее цивилизации, что несет человечеству многие беды. И.Кант противопоставил «культуре умения» культуру

воспитания», чисто же внешний «технический» тип культуры он назвал цивилизацией.

Культура, прежде всего, является средством развития человеческой индивидуальности, личности, воплощающей общечеловеческие цели и устремления. «...Личность – вот это, являющееся мимолетно и только единожды во вселенную, но тем и замечательное, взятое как самодостаточное, субстациональное. Каждая личность не часть, а средоточение и перефокусировка всечеловеческого»[1,с.87].

Первичное условие существования человека, согласно марксистской традиции – труд. К.Маркс выделял всеобщий конкретный труд, направленный не на производство вещей, а ориентированный на развитие самого человека, его способностей. Этот труд является творческим, так как в процессе творческого труда происходит осмысливание всего процесса деятельности – от ее цели, средств до результата, исходя из имеющихся знаний и перспектив развития человека. Именно творческий труд становится источником культуры во всех ее проявлениях. Творческая деятельность – показатель уровня развития общественного человека, меры господства человека над стихийными силами природы. Творчество имеет прямое отношение к сущности культуры, предопределяет ее направленность на развитие способностей и потребностей человека [3,с.190].

Культурное творчество отражает основы человеческого бытия, здесь сталкиваются крайности: прекрасное и безобразное, нравственное и аморальное, трагическое и комическое. И разрешая коллизии своими специфическими средствами, культура помогает обрести надежду и устойчивость человека в мире. С точки зрения «инструментов» и форм выражения (символов) творчество есть феномен культуры. Его стихийность, нерегламентируемость, непрогнозируемость, свидетельствуют о том, что творчество связано с природой. Между культурой и природой есть сходство: творения природы столь же органичны по своему строению как и культура. И в кризисных ситуациях природа «наказывает» человека за излишнюю самоуверенность и своеволие, пытаясь тем самым восстановить нарушенное равновесие. Еще Ф.Энгельс подчеркивал, что каждая победа человека над природой дается деградацией (сейчас или позже) человеческой природы [3,с.193].

Всякое «гуманное» достижение человека имеет обратную сторону. Сегодня мы являемся свидетелями бурного развития молекулярной биологии, снабдившей человечество продуктами питания и оказавшей помощь в борьбе с неизлечимыми болезнями. Но этот факт может привести к созданию биологического оружия нового поколения невиданной разрушительной силы.

Само по себе творчество аксиологически нейтрально. Человек порой не осознает в полной мере тех возможностей, которые скрыты до некоторого времени в продукте творчества. От творчества можно ожидать непрогнозируемых результатов и примеров тому множество, одним из таких примеров является изобретение атомной энергетики, которое предоставило человечеству новый вид энергии, но и породило новый тип оружия, невиданной до сей поры разрушительной силы. Человек – существо творческое. И необходимы стагнирующие системы, чтобы обуздать в нем неуправляемый творческий

порыв [5]. Одним из сдерживающих факторов является культура, носителем и создателем которой является сам человек. Формирование культуры человека следует начинать с раннего детства и главная ответственность в этом лежит на школе. В данном случае под культурой подразумевается бережное отношение к окружающему миру, человеку, историческому наследию.

Сегодня следует говорить о более совершенной системе контроля над возможными последствиями всей цепочки: творческий акт – технологическая реализация – последствия. Эта мера, разумеется, не гарантирует природе и человеку предохранение от катастроф, но нужно всегда иметь в виду, что сбой хотя бы в одном звене грозит катастрофическими последствиями.

Очевидно, что в современном мире акценты должны быть смещены с производства и функционирования техносферы на защиту окружающей среды и человека от рецидивов развития техносферы и биотехносферы. И важнейшей ценностной ориентацией должно стать не производство чего-то нового, а не нанести вреда природе.

Список литературы:

1. Баткин Л.М. На пути к понятию личности : Как-стильони о «грации» // Культура Возрождения и общество. М., 1986. – 256с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. - 521с.
3. Человек как философская проблема: Восток – Запад/ Отв.ред.Н.С.Кирабаев – М.: изд-во УДН, 1991.- 279с.
4. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценностей и марксистская философия. М., 1967. -366с.
5. Лем С. Не может быть рая на Земле // Огонек. 13марта. 1989г.
6. Ленин В.И..ПСС, 5 изд., т.12, М.,1960.
7. Философский энциклопедический словарь. Гл.ред.: Л.Ф.Ильичев,П.Н.Федосеев, С.М.Ковалев, В.Г.Панов – М.:Сов.энциклопедия, 1983. - 8 40с.
8. Франк С.Л.Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. – П.,1956. - 416с.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Соколова Вероника Сергеевна

аспирантка Омского государственного технического университета

THE CONTRADICTION NATURE OF MODERN MASS CONSUMPTION

Veronika Sokolova, postgraduate student of Omsk State Technical University

АННОТАЦИЯ

В статье подробно проанализировано современное массовое потребление с социально-философского подхода, выявлены его глубинные противоречия, приводящие к закреплению определенного типа общества («общества потребления») и формированию соответствующего типа личности. Это позволяет ответить на вопрос, почему в современных обществах развитых стран господствуют потребительские тенденции и к чему это приводит в нашей стране.

ABSTRACT

In the article analyzed the modern mass consumption with the socio-philosophical approach, revealed his deep-seated contradictions leading to the consolidation of a particular type of the society (the "consumer society") and the formation of the appropriate type of personality. This allows you to answer the question, why in modern societies developed countries dominate consumer trends and what it results in our country.

Ключевые слова: общество потребления; потребление.

Key words: consumption; consumer society.

Весь XX век и начало XXI века тематика потребления занимает важнейшее место в области изучения таких наук, как психология, философия, экономика, маркетинг и других. Потребление как звено производственного цикла детально изучалось советскими учеными. Однако с переходом нашей страны на рыночную экономику проблематика потребления вновь обострилась. Теперь потребление – это не просто закономерный процесс удовлетворения своих потребностей, но и социальный институт, структурирующий образ жизни отдельного индивида и порождающий особый тип общества.

Конечно, по-прежнему потребление осталось единственным способом удовлетворения витальных и социальных потребностей людей. В этом своем качестве оно абсолютно необходимо, ведь неудовлетворение потребности может привести к деградации человека, потере им

своих определенных качеств и даже к смерти. Однако наряду с этим существует такая проблема, как многогранность предметов, которые мы потребляем (здесь и далее слово «предмет» употребляется в значении «любой товар или услуга, служащая интересом для потребителя»). Как отмечает В.О. Бернацкий, «каждая потребность удовлетворяется каким-либо предметом, но практически все предметы как вещи обладают не одним, а множеством сторон и свойств. Возможно стремление к приобретению предмета, который либо целиком не соответствует определенной потребности, либо вообще таковым не является для данного общественного формирования. Такой интерес оказывается не действительным, а мнимым» [1, с. 58].

Это – одно из главных противоречий того сложного типа потребления, которое сейчас типично для «развитых стран». На выбор покупателей предлагается множество

товаров и услуг, но далеко не все из них полностью удовлетворяют истинным потребностям человека. Например, для удовлетворения жажды современный потребитель скорее приобретет газированный напиток или пиво, чем какой-либо полезный для здоровья напиток или обычную воду; таким образом, утоляя потребность в «воде», он поступит вопреки своей потребности быть здоровым. Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере социальных и духовных потребностей: массовая культура служит для развлечения людей, но не соответствует их глубинным объективным духовным потребностям, не заставляет их духовно развиваться, совершать духовную работу. Несответствие потребляемых «предметов» истинным потребностям – базовая проблема современного потребления.

С этой проблемой тесно связана другая – проблема манипуляции общественным сознанием с целью изменить интересы людей, исказить их потребности, заставить приобретать больше, чем необходимо. Она активно изучается и на Западе, и в странах бывшего СССР с середины прошлого века. Развитие таких дисциплин, как маркетинг и реклама, значительно изменило весь современный потребительский мир. Происходит манипуляция интересами в сознании потребителей, и они вынуждены приобретать не то, что им объективно нужно и послужит для их жизни и развития, но нечто иное, что предпочитают продавать производители.

Однако хотя эта проблема и серьезна, в реальности всё оказывается намного сложнее: дело не только в манипулировании людьми, но и в том, что люди сами желают стать добровольными объектами манипуляций. На это впервые указал Зигмунт Бауман: «Часто говорят, что потребительский рынок соблазняет клиентов. Но для этого ему нужны клиенты, желающие, чтобы их соблазнили (как владельцу фабрики, чтобы управлять рабочими, нужен персонал с прочно усвоенной привычкой к дисциплине и подчинению приказам). В бесперебойно действующем обществе потребления потребители активно стремятся к тому, чтобы их соблазнили» [2, с. 121]. С ним трудно не согласиться, лишь зайдя в любой торговый центр. Шопинг превратился в одно из главных удовольствий современного человека, и потребление самого разного рода предметов – едва ли не самая популярная форма досуга. Таким образом, можно отметить, что потребитель сам с наслаждением предается соблазну. Итак, вторая проблема современного массового потребления – активная манипуляция интересами потребителей при их добровольном согласии и активном участии.

Третья проблема – избыточное потребление. Общество принуждает человека потреблять всё больше и больше товаров, объективно ему не нужных. Появился феномен «морального устаревания», особенно касающийся техники. Мобильный телефон, отработавший год или два, признается устаревшим и выбрасывается, в то время как

на его место вступает новая модель. Это стимулирует производство и позволяет потребителям воспользоваться новейшими достижениями науки и техники, однако такой подход имеет множество негативных последствий. «Несомненно, потребляемый товар должен удовлетворять сразу, без овладения дополнительными навыками и длительной подготовки; но, кроме того, удовлетворение должно заканчиваться «сразу же», то есть в тот момент, когда заканчивается время, необходимое для его потребления. А это время необходимо свести к минимуму» [2, с. 119], – пишет З. Бауман. Он говорит о том, что современный потребитель просто не в состоянии долго испытывать привязанность к чему-либо, приобретенный предмет практически сразу перестает представлять для него ценность, ему нужен уже другой, более новый и интересный товар. Это не может не сказаться и на личности человека, что будет рассмотрено в следующем параграфе.

Четвертая проблема – аддиктивное потребление. Оно возникает тогда, когда постоянное приобретение новых товаров не просто входит в привычку, но и становится болезненной зависимостью, с которой человек не в состоянии справиться. Причины такого поведения кроются в психологии современного человека, который ощущает себя одиноким и потерянным в мире. Об этом рассуждал философ-гуманист Франкфуртской школы и представитель неопрейдизма Эрих Фромм: «Принудительное потребление компенсирует чувство тревоги у человека. <...> Потребность в такого рода потреблении проистекает из чувства внутренней пустоты, безнадежности, растерянности и напряженности. Обладая предметами потребления, индивид успокаивает себя, утверждая, что «он существует», так сказать. Если бы потребление сократилось, чувство тревоги проявилось бы сильнее. Сопротивление усилению чувства тревоги приводит к нежеланию сокращать потребление» [3, с. 524].

И, наконец, еще одно противоречие современного потребления – в диспропорции между материальным и духовным, смещением «центра тяжести» ценностей. Стремясь к потреблению вещей, современный человек порой забывает о духовном развитии. Современное потребление, ставшее уже потребительством, начинает заслонять другие явления жизни: культуру, духовность, религию. Это не может не найти отражения в качествах современной личности и современного общества.

Список литературы:

1. Бернацкий, В. О. Интерес: познавательная и практическая функции. / В. О. Бернацкий. – Томск: изд-во Томского ун-та, 1984. – С. 58.
2. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман; пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004
3. Фромм, Э. Революция надежды. / Э. Фромм, пер. с нем. — М.: АСТ, 2009. — 763 с.

О КОНЦЕПЦИИ НОВОГО ФАЗОВОГО ПЕРЕХОДА

Вакаев Владислав Александрович

Кандидат философских наук, доцент

Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул

ABOUT THE CONCEPT OF A NEW PHASE TRANSITION

Vakaev Vladislav, Candidate of philosophical Sciences, associate Professor, Altai state pedagogical Academy, Barnaul

АННОТАЦИЯ

Исследуется системный кризис человеческой цивилизации, который трактуется как следствие кризиса индустриальной цивилизации и нового фазового перехода. Обозначен ряд принципов концепции данного перехода, которая будет представлять собой синтез двух предшествующих стадий – аграрной и индустриальной, выступающих по отношению друг к другу в качестве диалектических противоположностей.

ABSTRACT

Explores the systemic crisis of human civilization, which is interpreted as a consequence of the crisis of industrial civilization and a new phase transition. There are several principles of the concept of this transition, which will be a synthesis of the two preceding stages - agrarian and industrial, the speakers in relation to each other as dialectical opposites.

Ключевые слова: индустриальная цивилизация, кризис, фазовый переход

Keywords: industrial civilization, the crisis, phase transition

Начало XXI века ознаменовалось целым рядом масштабных экономических, социальных и политических событий, которые свидетельствуют о наличии системного кризиса человеческой цивилизации. Который может перейти в острую фазу и привести к началу новой мировой войны: череда ожесточенных военных конфликтов, произошедших с начала века, погружает целые регионы в хаос и создает угрозу втягивания в них крупнейших держав мира. Происходящие события резко повышают актуальность всестороннего научного исследования сущности и путей преодоления данного кризиса, одновременно ставя перед наукой задачу оперативной трансляции результатов подобных исследований в широкие массы и внедрения их в социальную практику.

Согласно авторской концепции, происходящие в начале века события, являются следствием фазового перехода от одной стадии развития цивилизации к другой. Этот мощный тектонический сдвиг затрагивает все сферы жизни общества, он крайне сложен и динамичен, что вызывает особые трудности при его осмыслении. Изучению закономерностей данного фазового перехода может способствовать метод аналогии, позволяющий выявить и сравнить закономерности аналогичных событий в историческом прошлом. Однажды человечество уже переживало нечто подобное: при переходе от аграрной к индустриальной цивилизации, произошедшем в развитых странах мира в период с XVI по XIX века. Это была эпоха бурных изменений, ломки устоявшихся стратегий взаимодействия с природой, экономических взаимоотношений, социальных институтов. Она сопровождалась кровавыми столкновениями как между государствами, так и между различными социальными слоями внутри отдельных обществ. Одновременно мощные трансформации произошли в сфере общественного сознания: человечество с помощью лучших своих умов вырабатывало принципиально новую картину мира, которая потом овладевала умами большинства.

Мировоззренческие и идеологические основы индустриальной цивилизации начали закладываться еще в эпоху Возрождения, продолжились в период Нового времени. Они базируются на ряде основных идей: идея прогресса как основного направления развития природы и об-

щества и, вытекающая из нее идея пренебрежения к прошлому; идея всемогущества и всеисия науки и связанная с ней идея антирелигиозности; идея доминирующего положения человека по отношению к природе; идея конкуренции и борьбы за существование как в живой природе так и в обществе. Данный комплекс идей был органично дополнен социально-философскими и политико-правовыми взглядами. В их основе лежали идея всеисия рыночной экономики, идея материального обогащения и потребления благ как ключевой цели человека, идеи свободы, равенства и братства и вытекающая из нее идея демократии как оптимального политического режима. Именно эта напряженная интеллектуальная работа целой плеяды выдающихся мыслителей эпохи Возрождения и Нового времени и заложила основы так называемой «индустриальной» или «техногенной» цивилизации.

Все эти идеи и концепции, будучи выработаны в узком кругу мыслителей, нашли свое отражение в искусстве, образовании, политической практике и, как следствие, за сравнительно небольшой промежуток времени овладели широкими массами.

Успех индустриальной цивилизации, выражающийся в непрерывном росте производительных сил общества, повышении уровня и качества жизни, расширении возможностей для развития человека, способствовал формированию убеждения в том, что данные идеи являются адекватными реальности и не требуют корректировки.

Однако дальнейшая эволюция человеческой цивилизации, столкнувшейся в своем развитии с целым рядом новых вызовов и угроз, поставили под сомнение сформированную картину мира. Неконтролируемое развитие науки и техники, сопряженное с усилением эксплуатация природы в погоне за ростом потребления привели к обострению экологического кризиса. Развитие рыночной экономики привело к увеличению разрыва в уровне жизни между странами что, в свою очередь, ведет к нарастанию межнациональных и межгосударственных конфликтов, которые, по сути, являются борьбой за ресурсы. Закономерное развитие рыночной модели экономики привело к появлению ее «превратных» форм, проявляющихся в производстве товаров и услуг, оказывающих негативное воздействие на человека и общество. Демократические политические режимы на практике превратились в имитацию,

ширму, призванную скрывать недостатки существующего общества и подавлять недовольство. Более того, мы можем наблюдать системный морально-нравственный кризис, который является следствием реализации идей индустриальной цивилизации и находит свое проявление в кризисе семьи и снижении рождаемости в развитых странах, разрыву социальных связей и атомизации общества, снижению интеллектуального потенциала широких слоев населения, росту различных извращений и отклонений, которые выдаются за норму.

Данный комплекс проблем, на наш взгляд, ведет к системному кризису индустриальной цивилизации и ставит на повестку дня задачу ее трансформации, перехода к новому этапу. Этому революционному переходу будет предшествовать научная революция, которая по своим масштабам и значению должна соответствовать аналогичной революции предыдущего фазового перехода. Это колоссальная по объему, сложности и значимости задача, которая сопоставима с задачей, решаемой лучшими умами человечества в эпоху Возрождения и Нового времени.

Обозначим некоторые контуры концепции очередного фазового перехода к новому этапу развития человеческой цивилизации, которую предстоит разработать науке XXI века. В первую очередь необходимо отметить, что, с диалектической точки зрения, новая, условно называемая постиндустриальной стадия развития человечества, будет представлять собой синтез двух предшествующих стадий – аграрной и индустриальной, выступающих по отношению друг к другу в качестве диалектических противоположностей. Данная идея не нова, она была сформулирована еще Э. Тоффлером в 1960-х годах. Однако до сих пор не выработаны базовые принципы данной конвергенции. Попытаемся их тезисно обозначить. Во-первых, принцип экологизации жизни общества, который связан с коренным изменением отношения к природе, отказ от ее хищнической эксплуатации, принятие мер по восстановлению благоприятной природной среды на основе передовых достижений науки и техники. Во-вторых, принцип баланса между традицией и прогрессом. Он предполагает отказ от присущего индустриального обществу пренебрежительного отношения к прошлому и осмысление традиции как уникального опыта, который может быть реализован в современных условиях на новой технологической базе. В частности, одним из проявлений данного принципа может стать конвергенция науки и религии, при которой последняя рассматривается как важное достижение человечества, выработанное в историческом прошлом и играющее важнейшую роль в формировании нравственного облика человека. В-третьих, принцип многообразия экономических стратегий, заключающийся, в первую очередь, с отказом от ортодоксии рыночной экономики и широком внедрении иных форм хозяйствования, ориентированных не на получение прибыли, а на решение социальных проблем (семейные и муниципальные предприятия, кооперативы). С данным принципом тесно связан принцип аксиологической трансформации, заключающийся в смене системы ценностей: от идеи материального потребления к идее духовного развития человека. Особое место занимает принцип культурного многообразия, предполагающий сохранение самобытности

культур народов Земли, отказ от существующих форм глобализации, которые на деле представляют собой процесс вестернизации. В политической сфере следует выделить принцип децентрализации, предполагающий как ликвидацию сложившейся в мире системы центр-периферия, преодоление пропасти между развитыми и развивающимися странами, так и широкое наделение полномочиями местных сообществ. Принцип прямой демократии предполагает включение широких масс в процесс управления обществом посредством современных средств коммуникации.

Безусловно, данный перечень принципов может быть легко дополнен другими, но даже позволяет продемонстрировать суть предстоящего фазового перехода, который должен обеспечить преодоление тех негативных последствий индустриальной цивилизации, на основе гармоничного соединения традиции и новаций.

Впрочем, не стоит думать, что эти идеи будут легко и просто внедрены в сознание людей. Как и в прошлом, любая попытка осуществить переход к новой стадии, будет встречать ожесточенное сопротивление со стороны тех общественных сил, которые могут потерять свое влияние в новых реалиях. В свете вышесказанного становятся понятны и причины нарастающей в начале XXI века политической и военной напряженности. Она связана с противостоянием двух сил, одна из которых намерена максимально продлить существование существующей цивилизационной модели, другая стремится к ее трансформации. Первая связана со странами Запада, которые традиционно являлись локомотивами индустриальной цивилизации и, соответственно, получили от нее максимальные преимущества. Они проявляются в более высоком уровне жизни данных стран, их политическом, военном, идеологическом доминировании. Разумеется, развитые страны заинтересованы в сохранении своего доминирующего положения и готовы принять все меры для оттягивания неизбежного фазового перехода. Вторая сила, связанная с так называемыми развивающимися странами, напротив, выступает за скорейшую трансформацию сложившихся отношений. Пока она хуже организована, у нее еще нет стройной и логичной концепции, с помощью которой она могла бы консолидироваться. Но на ее стороне – жесткая историческая необходимость перехода к новой стадии, так как единственной альтернативой ему является гибель человечества.

В этих условиях именно Россия, обладающая соответствующим научным, творческим и культурным потенциалом, может выступить в роли духовного лидера прогрессивных сил. Тем более, что однажды в такой роли наша страна уже выступала: попытка реализации социалистического эксперимента, несмотря на то, что закончилась неудачей, привела к слому колониальной империи и дала шанс на развитие странам «третьего мира». Последние и будут являться основной движущей силой нового фазового перехода. При этом они внутренне готовы принять лидерство России в данном процессе, что открывает перед нашей страной как новые возможности, так и накладывает серьезную ответственность.

